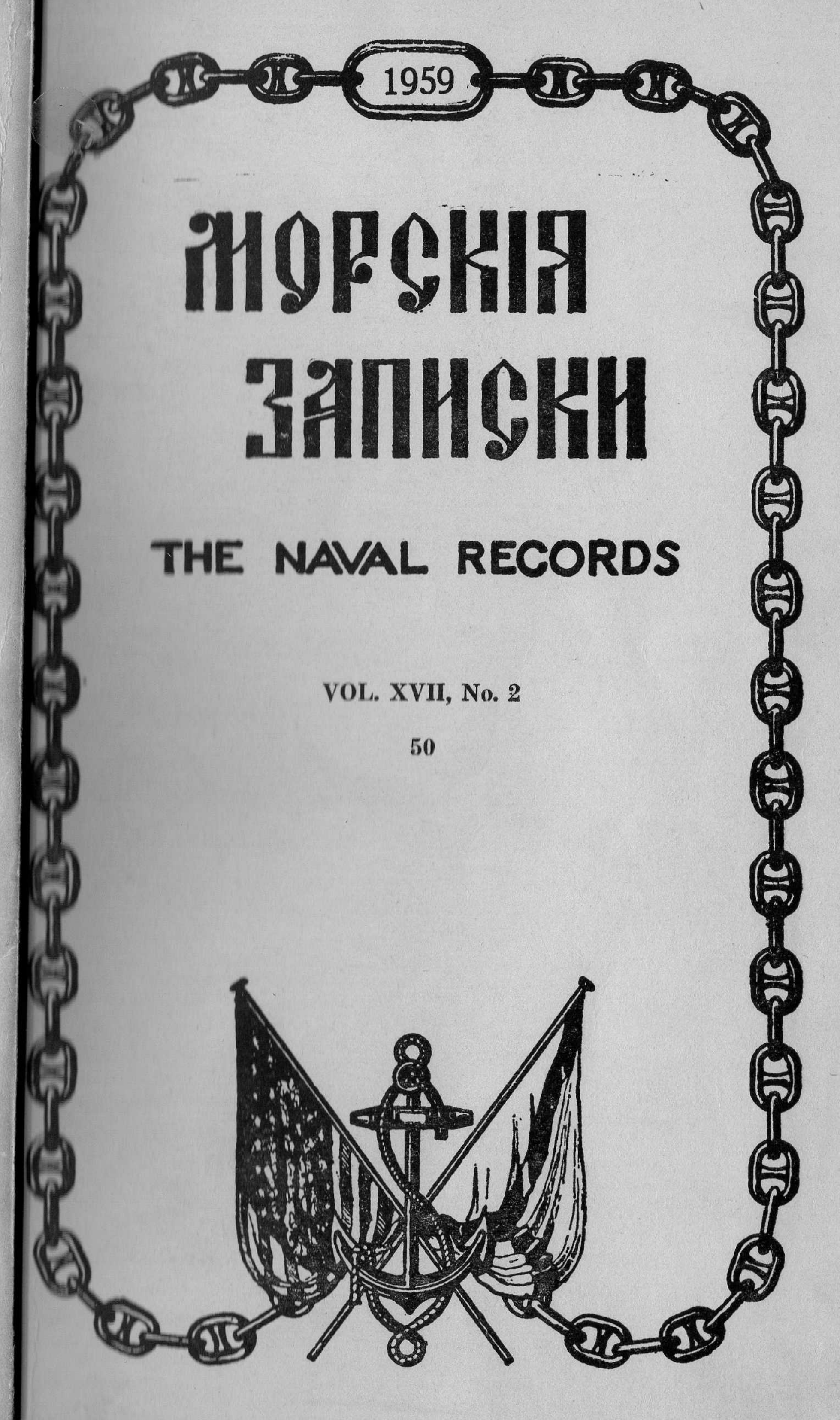

1959
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XVII, No. 2
50

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ	**THE NAVAL RECORDS**
Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ	**Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.**
подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ	G. N. TAUBE, Editor
465. Лексингтонъ авеню Нью-Іоркъ, С.Ш.А.	465 Lexington Avenue, New York 17, N.Y., U.S.A.

VOL. XVII, No. 2 (50) Price $ 3.00 yearly October, 1959

СОДЕРЖАНІЕ: / CONTENS:

Г. Н. Таубе

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МОРСКОЙ ПѢХОТЫ ВЪ РУССКОМЪ ФЛОТѢ

Въ различные періоды исторіи и до настоящаго времени нѣкоторыя морскія державы содержатъ въ составѣ своихъ вооруженныхъ силъ морскую пѣхоту.

Примѣненіе морской пѣхоты въ различныхъ государствахъ разнится. Такъ, въ Англіи, морская пѣхота, созданная послѣ бунтовъ на флотѣ въ XVII столѣтіи, расписанная по кораблямъ, исполняетъ обязанности судовой полиціи, несетъ караульную службу и поддерживаетъ корабельные десанты.

Въ С. Ш. А. морская пѣхота въ составѣ нѣсколькихъ бригадъ является, главнымъ образомъ, самостоятельной боевой единицей вооруженной всѣмъ новѣйшимъ оружіемъ, имѣющей собственную авіацію и всегда находящейся въ готовности въ любое время быть переброшенной туда, гдѣ появляется требованіе момента.

Во Франціи и Германіи морская пѣхота въ прошломъ была использована, главнымъ образомъ, для комплектаціи прибрежныхъ морскихъ фортовъ и несенія портовой и береговой службы.

Въ русскомъ флотѣ морская пѣхота существовала въ различныхъ видахъ съ начала XVIII столѣтія, по 1833 годъ, послѣднія 20 лѣтъ переданная изъ Морского въ Военное Вѣдомство.

Совершенно особо отъ морской пѣхота слѣдуетъ разсматривать сухопутныя части, перевозившіяся на боевыхъ судахъ или транспортахъ для участія въ военныхъ операціяхъ, требовавшихъ переброску войскъ по тактическимъ соображеніямъ, а также нѣкоторые полки Гвардіи, сражавшіеся въ XVIII столѣтіи на судахъ галернаго флота.

Въ царствованіе Петра Великаго, къ началу XVIII столѣтія, во флотѣ для несенія караульной службы на судахъ и въ портовыхъ учрежденіяхъ состояли особыя команды „служителей". Вначалѣ эти команды не были сведены ни въ роты, ни въ полки, что представляло большія неудобства.

Указомъ отъ 16 ноября 1705 года изъ этихъ командъ былъ составленъ Морской полкъ въ 10 ротъ по 120 чел. въ каждой. На морскихъ солдатъ было всецѣло возложено несеніе караульной службы на судахъ и на берегу, а также служба десантная и абордажная. Матросы должны были только служить подкрѣпленіемъ морскимъ солдатамъ при свозѣ десанта.

Замѣтивъ отсутствіе единства дѣйствій морскихъ и сухопутныхъ служителей, Петръ I приказалъ матросовъ обучать строевой береговой службѣ, а морскихъ солдатъ — морской, „дабы они другъ друга понимали и поддерживали".

Въ 1714 г. Морской полкъ былъ реорганизованъ въ 5 морскихъ батальоновъ, численностью въ 500-650 чел. каждый, носившихъ наименованія: Адмиральскій, Вице-Адмиральскій, Контръ-Адмиральскій, Галерный и Адмиралтейскій. На судахъ морскіе солдаты составляли до 25 %, на галерномъ флотѣ — до 40 % команды.

По смерти Императора Петра I, въ общемъ развалѣ военныхъ силъ Россіи, упадокъ особенно коснулся флота, и заведенные порядки начали быстро исчезать. Упадокъ этотъ продолжался до вступленія на престолъ Анны Іоанновны, когда въ 1732 г. для приведенія въ порядокъ Арміи и Флота была составлена комиссія изъ фельдмаршаловъ и генераловъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Миниха. Эта комиссія обратила вниманіе также на морскихъ солдатъ, въ особенности состоявшихъ при Ревельской эскадрѣ, на которой, въ началѣ 1732 г. ихъ числилось до 1288 чел.

Находя содержаніе ихъ въ Ревелѣ безполезнымъ и дорогимъ, комиссія нашла желательнымъ перевести морскихъ солдатъ въ Кронштадтъ, „гдѣ имѣются казенные питейные дома, отчего будетъ множиться денежный сборъ". (1)

Къ веснѣ 1733 г. всѣ морскіе солдаты были собраны въ

---

(1) Матеріалы Русскаго флота кн. VII, стр. 288.

Кронштадтѣ, гдѣ были поставлены на работы по сооруженію каналовъ.

Въ 1734 г. бывшіе морскіе батальоны были переобразованы въ два Морскихъ трехбатльоннаго состава по 4 роты въ каждомъ, численностью около 1800-2000 чел. въ полку. Во вновь созданныхъ полкахъ предписывалось имѣть гренадерскія роты „по пропорціи, а не особливо" и полковую артиллерію.

Полки вошли въ составъ двухъ Морскихъ дивизіи. Первый полкъ, Якова Барша — въ 1-ю, къ адмиралу Головину, а второй полкъ, Макара Баркова — во 2-ю, къ адмиралу Гордону. Эта первоначальная организація морскихъ солдатъ въ полки подвергалась частымъ измѣненіямъ въ силу различныхъ причинъ, въ особенности отъ степени участія флота въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Для Донской флотилии былъ сформированъ батальонъ морскихъ солдатъ въ 900 чел., который слѣдуетъ считать первой частью морской пѣхоты въ Черномъ морѣ.

Въ 1736 г. началась осада Азова (2) и въ томъ же году изъ Кронштадта туда была отправлена партія морскихъ солдатъ въ 798 чел., которые были частью Морского батальона, сформированнаго для дѣйствія на Азовскомъ морѣ. (3) Солдаты морскихъ полковъ были размѣщены главнымъ образомъ на большихъ прамахъ (4) „Близко не подходи", „Сердитый", „Не боюсь никого", „Страшный", „Сѣверный медвѣдь", „Дикобразъ", „Спѣсивый левъ", „Громъ и Молнія" и „Разгнѣванный". (5) Прамы принимали дѣятельное участіе въ осадѣ Азова. Крѣпость сдалась 18 іюня 1736 г.

Въ 1738 г., послѣ гибели флотилии въ 1737 г. у Арабатской и Федотовой косы, морскіе батальоны были поставлены гарнизонами въ Азовъ. По заключеніи мира съ Турціей въ 1739 и 1741 гг. морскіе полки, участвовавшіе въ походѣ, были возвращены въ Петербургъ.

---

(2) Лееръ, Энцикл. Военн. и Морск. наукъ, томъ 1, стр. 80.

(3) Веселаго, Матерьялы — томъ VI, стр. 71 и 82.

(4) Прамъ — плоскодонное судно съ сильной артиллеріей, употреблялось для дѣйствія противъ береговыхъ укрѣпленій и осады приморскихъ крѣпостей.

(5) Арх. Морск. Минист. Дѣла Адм. Коллегіи 1736, № 2.

Въ началѣ 1741 г. началась война со Швеціей которая велась, главнымъ образомъ, на сушѣ. Ввиду некомплекта во флотѣ значительная часть морскихъ солдатъ была переписана въ матросы, а морскіе полки были пополнены солдатами Дербенскаго, Дагестанскаго, Сальянскаго и Бакинскаго полковъ.(6) Въ военныхъ дѣйствіяхъ принялъ участіе только галерный флотъ, а корабельный бездѣйствовалъ.

Въ 1743 г. изъ престарѣлыхъ и негодныхъ къ морской службѣ людей морскихъ полковъ было составлено два батальона по 200 чел. каждый. Одинъ, Адмиралтейскій, для береговыхъ карауловъ, а другой въ Кронштадтѣ для посылокъ за сборами.(7)

Въ 1757 г. морскіе полки съ присоединенными двумя батальонами были раздѣлены на три части — корабельную и галерную команды и адмиралтейскіе батальоны, съ точнымъ распредѣленіемъ первой по кораблямъ. Эта организація просуществовала только до 1764 г.

Участіе флота въ „Семилѣтней войнѣ" выразилось взятіемъ крѣпости Мемель (8) и въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостью Кольбергъ въ 1760-61 гг., въ которыхъ приняли участіе всѣ чины морскихъ полковъ, высаженные 22 августа 1761 г. десантомъ подъ начальствомъ капитана Спиридова въ составѣ 2012 чел. при 51-й кугорной мортирѣ и 19-ти пушкахъ.(9) 25 августа отрядъ морскихъ солдатъ имѣлъ довольно жаркое дѣло съ прусаками а 27-го — перестрѣлку съ непріятельскими егерями. (10) Въ ночь съ 6-го на 7-е сентября при атакѣ и взятии непріятельской батареи съ гарнизономъ въ 400 чел. особенно отличились морская команда Спиридова въ 600 чел. морскихъ солдатъ, 300 матросовъ и рота морскихъ гренадеръ. Кромѣ того морскіе солдаты принимали участіе въ осадныхъ работахъ.

За отличныя дѣйствія морскихъ командъ на берегу начальнику ихъ, капитану Спиридову, былъ выданъ графомъ

---

(6) — Веселаго, Матерьялы IX, 25-29

(7) — Матерьялы Русск. флота, кн. IX, стр. 362.

(8) — Веселаго, Матерьялы X, стр. 372-384

(9) — тоже „ X, стр. 608-609

(10) — Арх. Морск. Мин. Дѣла Адм. Колл. 1761 № 33

Румянцевымъ аттестатъ.(11)

Въ 1764 г. „для лучшаго порядка въ содержанiи, обученiи и уменьшенiи командующихъ чиновъ" всѣ морскiя солдатскiя части, вмѣстѣ взятыя, составили 4 морскихъ батальона по 7 ротъ мушкетерскихъ и 1-й гренадерской.(12) Составъ и численность морскихъ батальоновъ неоднократно подвергалась измѣненiямъ.

Шефами морскихъ батальоновъ были назначены:
1-го бат. кап. 1 р. Баршъ въ С. Петербургѣ, въ составѣ 1-й морск. дивизiи.
II-го „ , Корсаковъ въ Ревелѣ, въ составѣ 1-й морск. дивизiи.
III-го „ Клокачевъ въ Кронштадтѣ, въ составѣ 2-й морск. дивизiи.
IV-го „ Лупандинъ въ С. Петрбургѣ, въ составѣ 2-й морск. дивизiи.

Штаты морскихъ батальоновъ были составлены соразмѣрно съ числомъ кораблей.

Въ 1770 г. для укомплектованiя флота, бывшаго въ Архипелагѣ, было взято въ матросы изъ мушкетеровъ 271 чел.(13)

Такъ какъ цѣлью учрежденiя морскихъ командъ, а впослѣдствiи морскихъ батальоновъ и полковъ было содѣйствiе флоту въ военное время, то поэтому большинство офицеровъ и командировъ этихъ частей были изъ чиновъ флота, а нижнiе чины обучались не только пѣхотной, но и морской службѣ. Морскiе солдаты несли усиленную гарнизонную службу въ С. Петербургѣ, Ревелѣ и Кронштадтѣ съ ежегодной мѣной этихъ стоянокъ, смотря по зимовкѣ эскадръ.(14)

Понятiе о характерѣ воспитанiя солдатъ даетъ, между прочимъ, рекрутская инструкцiя Императрицы Екатерины II (15). Въ ней указывалось, что съ приходомъ рекрута въ полкъ и по опредѣленiи его въ роту его назначали по росту въ соотвѣтствующее капральство и артель, гдѣ онъ отда-

---

(11) Веселаго, Матерьялы X, стр. 611

(12) Арх. Глав. Мор. Штаба, кн. 20, стр. 72 и 79.

(13) Дѣла Канц. Адм. Коллегiи № 71, стр. 752

(14) Арх. Глав. Мор. Штаба., дѣла гр. Головина, № 5.

(15) Инструкцiя полковникамъ — 1765.

вался въ руки добросовѣстному и надежному солдату „чтобы онъ ежечасно того новаго рекрута обучалъ не только порядочному поведенію, но и какъ обуваться, одѣваться и дать себѣ добрый видъ, быть нелѣниву, смѣлу, проворливу и чтобы крестьянскія подлыя привычки, уклонки, ужимки, чесаніе при разговорахъ совсѣмъ были бы изъ него истреблены; ротному же командиру всего на упомянутомъ солдатѣ взыскивать... Однако, рекрутъ не долженъ былъ не только сначала битъ, понеже страшенъ, а все сіе ласковостью и съ истолкованіемъ ему изъяснять, развѣ по нѣсколько времени усмотрится въ немъ грубое упрямство и сопротивленіе, то таковаго, изявляя ему вину, штрафовать".

Весной, съ открытіемъ навигаціи, чины морскихъ полковъ а впослѣдствіи батальоновъ расписывались по кораблямъ эскадръ, гдѣ они „содержали караулы и вѣдали обороной", подчасъ замѣняя матросовъ по управленію снастями и парусами. Количество размѣщенія морскихъ солдатъ по судамъ зависило отъ величины корабля и цѣли кампаніи.

На 100 пуш. кораблѣ находилось 215/200 чел. морскихъ солдатъ

На 80 пуш.	кораблѣ	находилось	165/160 „	„
„ 66 „	„	„	145/132	„
„фрегатахъ	„		56/54	„

Вѣдомости наличія двухъ солдатскихъ полковъ(16) показываютъ, что по спискамъ въ нихъ состояло 4.365 чел. изъ которыхъ въ Кронштадтѣ и С. Петербургѣ было 2,378 чел., а въ расходѣ, въ различныхъ портахъ, городахъ и заводахъ — 1987 чел.

Въ 1733 и 1740 гг. въ составъ 2-й экспедиціи Беринга вошли 3 офицера и 43 ниж. чина морскихъ полковъ, изъ которыхъ во время зимовки на о-вѣ Берингъ въ 1741-42 гг. отъ лишеній и цынги умерло 7 морскихъ солдатъ. Вышеприведенныя вѣдомости ясно показываютъ нераздѣльность морскихъ солдатскихъ частей съ составомъ флота, труды и успѣхи котораго они раздѣляли, какъ въ различныхъ моряхъ, такъ и въ предѣлахъ отечества.

---

(16). Арх. Морск. Мин. Дѣла Адм. Колл. 1742, № 47.

АРХИПЕЛАГСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1769-1774.

26 іюня 1769 г. эскадра адмирала Спиридова вышла изъ Кронштадта.

Эскадра состояла изъ 7 кораблей: „Трехъ Іерарховъ", „Европы", „Трехъ Святителей", „Святослава" (остался въ Ревелѣ), „Св. Евстафія", „Св. Януарія", „Сѣвернаго Орла", фрегата „Надежда Благополучія", бомбардирскаго корабля „Громъ" и 6-ти мелкихъ судовъ.

Составъ и численность личнаго состава эскадры: флотскихъ — 3011 чел. артиллеристовъ — 1016 чел., сборныхъ командъ отъ всѣхъ 4-хъ морскихъ батальоновъ — 1006 чел. и 300 чел. Кексгольмскаго полка.(17)

Послѣ продолжительнаго чрезвычайно бурнаго и тяжелаго плаванія эскадра 12 декабря прибыла на о-въ Минорку. Вслѣдствіе тѣсноты и плохого питанія смертность на эскадрѣ была чрезвычайно высока — за походъ умерло 400 чел. и больныхъ было до 700 чел.(18)

1 марта 1770 г. флотъ бомбардировалъ крѣпость Карона и высадилъ десантъ въ 587 чел., частью морскихъ солдатъ, частью сухопутныхъ, подъ командой генерала князя Долгорукова. 18 апрѣля осада Кароны была снята, флотъ перешелъ въ Наваринскую бухту и приступилъ къ осадѣ крѣпости Модонъ. Высаженный десантъ, осаждавшій крѣпость, послѣ первоначальныхъ удачныхъ дѣйствій былъ атакованъ превосходными силами турокъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія отошелъ къ Наварину. Въ этомъ дѣлѣ русскія потери были 150 чел. убитыми и 250 чел. ранеными.(19) Въ сраженіи подъ Модономъ, въ числѣ убитыхъ былъ капитанъ Василій Шимановъ, 2-го морского батальона.

3-го морского батальона подпрапорщикъ Полянскій, бывшій знаменщикомъ въ отрядѣ князя Долгорукова, во время боя, увидавъ, что былъ убитъ сосѣдній знаменщикъ, сорвалъ съ древка оба знамени и спряталъ ихъ у себя на груди. Во время отступленія онъ былъ раненъ и не будучи въ силахъ идти онъ передалъ одно знамя кн. Долгорукову, тоже раненному, а другое майору 1-го морского батальона

---

(17) Кротковъ. Повседневныя записи Русскаго флота, стр. 270-437.

(18) Собственный журналъ кап.-ком. Грейга.

(19) „ „ „ , № 71

Чернышову и такимъ образомъ спасъ ихъ отъ захвата непріятелемъ. За этотъ подвигъ подпрапорщикъ Полянскій былъ произведенъ въ прапорщики.(20)

11 іюня состоялось соединеніе эскадры графа Орлова съ эскадрой контръ-адмирала Эльфингстона, на судахъ которой находилось 444 чел. морскихъ батльоновъ. (21)

24 іюня 1770 г. произошло Чесменское сраженіе. При взрывѣ „Евстафія" погибло 620 чел., въ томъ числѣ морскіе солдаты 1-го, 2-го и 4-го батальона.(22) На брандерахъ, атаковавшихъ турецкій флотъ 26 іюня, находились 2 мушкетера морскихъ батальоновъ — Василій Кузьминъ и Генадій Сорокинъ.

22 декабря 1770 г. на о-въ Паросъ прибыла 3-я эскадра контръ-адмирала Арфа, въ составѣ кораблей „Побѣдоносецъ", „Всеволодъ" и „Азія". На нихъ находилось около 300 солдатъ морскихъ батальоновъ и двѣ роты Л.-Гв. Преображенскаго и Шлиссельбургскаго пѣх. полка.(23)

Въ теченіи 1771 и 1772 гг. флотомъ былъ произведенъ рядъ высадокъ: въ заливѣ Макри, на о-вѣ Станціо, на о-вѣ Митилена и у крѣпости Чесма. Въ этихъ высадкахъ принимало участіе нѣсколько ротъ морскихъ батальоновъ подъ начальствомъ майора Ханина.(24)

Въ февралѣ 1773 г. пропалъ безъ вѣсти корабль „Азовъ", погибшій со всѣмъ экипажемъ. На немъ находились 1 офицеръ и 22 солдата морскихъ батальоновъ.

Въ августѣ съ эскадры адмирала Елманова былъ высаженъ десантъ на о-вѣ Станчіо, усиленный 2-мя ротами морскихъ батальоновъ. Высадка окончилась неудачей, и отрядъ былъ окруженъ противникомъ. При отступленіи бывшая въ арьергардѣ гренадерская рота морского батальона открыла огонь картечью изъ единороговъ, чѣмъ на время остановила наступленіе противника. Въ этомъ бою участвовало 7 офицеровъ и 89 гренадеръ морскихъ батальоновъ, изъ которыхъ было убито 4, умерло отъ ранъ 3 и ранено 2. (25)

---

(20) — Арх. Морск. Мин. Дѣло Архипел. Экспед. № 71

(21) — Кротковъ, повседневныя записи, стр. 21

(22) — Арх. Морск. Мин. Дѣло Архипел. Экспед. № 90

(23) — Арх. Морск. Мин. Дѣло адм. Спиритова № 26

(24) — Арх. Морск. Мин. Дѣло Архипел. Экспед. №67 и Веселаго, Матерьялы II, стр. 681-685.

20 мая 1773 г., для овладѣнія г. Бейрутомъ, былъ посланъ отрядъ въ составѣ фрегатовъ „Надежда", „Св. Николай", „Св. Павелъ", „Слава" и „Накрія", подъ командой капитана Кожухова. 23 іюля у Бейрута былъ свезенъ десантъ изъ 787 чел., при 4-хъ фальконетахъ, подъ командой Л.-Гв. поручика Баумгартена, а 24-го свезено 2-12 фун. орудія. За время осады города потери отряда выразились 34 убитыми и 96 чел. ранеными, въ томъ числѣ 2 офицера морскихъ батальоновъ.

26 іюля 1744 г., съ фрегата „Св. Павелъ" былъ свезенъ десантъ въ 160 чел. на о-въ Имро, который, разрушивъ крѣпость, захватилъ 16 орудій. Это было послѣднее дѣйствіе нашего флота въ Архипелагѣ.

Въ теченіе всей архипелагской кампаніи нѣсколько сотъ солдатъ морскихъ батальоновъ было переписано въ матросы. (26)

Въ ночь на 10 октября 1744 г., фрегатъ „Минерва" разбился на камняхъ у Урренграунда; въ числѣ 95 чел. погибшихъ были возвращавшіеся изъ кампаніи 1 офицеръ и 26 солдатъ 3-го морского батальона.

***

Одновременно съ дѣйствіями Балтійскаго флота въ Архипелагѣ открылъ свою первую кампанію Черноморскій флотъ, на судахъ котораго также находилось нѣсколько сотъ солдатъ морскихъ батальоновъ.

29 мая 1773 г., при Кизильташѣ отрядъ капитана 1 ранга Сухотина уничтожилъ 6 турецкихъ судовъ. При этомъ участвовало 2 офицера и 65 чел. солдатъ морскихъ батальоновъ.(27) 23 іюня, между Кефой и Балаклавой, отрядъ капитана Кингсберга имѣлъ сраженіе съ турецкой эскадрой, которую и обратилъ въ бѣгство. Въ числѣ участвовавшихъ въ этомъ бою были 1 офицеръ и 60 солдатъ морскихъ батальоновъ. (28) 23 августа тотъ же отрядъ вступилъ въ бой и обратилъ въ бѣгство турецкую флотилію у Сухумъ-Калэ. Въ сраженіи приняло участіе 3 офицера и 128 солдатъ морскихъ батальоновъ.(29)

---

(25) — Арх. Морск. Мин. Дѣло адм. Спиридова.

(26) — „ „ „Дѣло Архипел. Экспед. №№ 71 и 74.

(27) — „ „ Дѣло Канц. Адм. Коллег. №92 за 1777 г.

(28) и (29,) тамъ же

**
*

Въ 1777 г. произошла реорганизація морскихъ батальоновъ. По новымъ штатамъ на корабельномъ флотѣ надлежало имѣть 8 батальоновъ, почему каждый существовавшій морской батальонъ былъ развернутъ въ двухбатальонный. Первые 4 батальона вошли въ составъ 1-ой Флотской Дивизіи, вторые 4 — въ составъ 2-ой Флотской Дивизіи.(30) Каждый батальонъ состоялъ изъ 1-й гренадерской и 4-хъ мушкетерныхъ ротъ.

По штатамъ 8 батальоновъ морскихъ солдатъ въ 1777 г. полагалось:

Мирный составъ — по числу 32-хъ кораблей — 5,656 чел.
Военный „ „ 40 „ — 6,784 „
(Знаменъ въ батальонахъ не было).

Въ 1782 г. штаты 8 морскихъ батальоновъ были увеличены:

Мирный составъ — по числу 40 кораблей — 8,208 чел.
Военный „ „ — 9,416 чел.

Каждый батальонъ имѣлъ 1 гренадерскую и 6 мушкетерскихъ ротъ, содержавшихъ по штату.(31)

Въ Черномъ морѣ, въ 1794 г., при Черноморскомъ гребномъ флотѣ былъ учрежденъ Черноморскій Гренадерскій Корпусъ, состоявшій изъ 4-хъ батальоновъ, образованныхъ изъ двухъ приморскихъ полковъ, — Николаевскаго и Днѣпровскаго. Въ 1798 г. 4-ый батальонъ Черноморскаго Гренадерскаго Корпуса вошелъ въ составъ гарнизона князя Вяземскаго полка, а остальныя три роты стали именоваться Черноморскими батальонами.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788 г.

На судахъ эскадры адмирала Грейга въ 1788 г. находилось 1260 солдатъ морскихъ батальоновъ, въ томъ числѣ 21 офицеръ.(32)

Въ Гогландскомъ сраженіи 6 іюня 1788 г. изъ чиновъ морскихъ батальоновъ было убито 37 солдатъ и ранено 2 офицера. На кораблѣ „Владиславъ" были взяты въ плѣнъ 3 офицера морскихъ батальоновъ.

---

(30) — Архивъ Мор. Мин. Дѣло Канц. Адм. Колл. 1778 №135.
(31) — „ „ „ „ „ 1782 № 136
(32) — „ „ „гр. Чернышова, рапортъ фонъ Дезена

Въ сраженіи у о-ва Элландъ 15 іюня потери морскихъ батальоновъ выразились въ 1 убитомъ и 2 раненыхъ офицерахъ и 2 убитыхъ и 27 раненыхъ солдатахъ. (33)

По возвращеніи въ 1789 г. флота въ Кронштадтъ часть корабельнаго флота была оставлена въ Ревелѣ. На ней находилось 35 офицеровъ и 1,559 солдатъ морскихъ батальоновъ.

Въ Ревельскомъ сраженіи 2 мая 1790 г участвовало 2,115 чел. морскихъ батальоновъ. Потери были: 4 убитыхъ и 5 раненыхъ солдатъ.

Въ сраженіи у Красной Горки 23 и 24 мая участвовало 2,438 чел. морскихъ батльоновъ, подъ общей командой командира 8-го батальона графа Семена Ивеличи. (34)

Въ блокировавшей шведскій флотъ въ Выборгской губѣ эскадрѣ, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, находилось 3,974 чел. морскихъ батальоновъ. (35)

Шведская война 1788-1790 гг. велась главнымъ образомъ на морѣ; русскій флотъ покрылъ себя новой славой, которую раздѣлили съ нимъ и морскіе батальоны, участвовавшіе съ нимъ во всѣхъ трудахъ и лишеніяхъ.

***

Въ 1793 г. на эскадрѣ адмирала Круза, крейсировавшей въ Сѣверномъ морѣ, находилось 2,170 чиновъ морскихъ батальоновъ, въ томъ числѣ 47 офицеровъ. (36)

Въ 1795 г. при блокадѣ голландскихъ береговъ эскадрой адмирала Ханыкова на эскадрѣ находилось 2,349 чиновъ морскихъ батальоновъ, въ томъ числѣ 34 офицера. (37)

Въ 1797 г. на эскадрѣ контръ-адмирала Макарова, состоявшей изъ 3 кораблей и 3 фрегатовъ, замѣнившихъ эскадру адмирала Ханыкова при блокадѣ береговъ Голландіи, находилось 604 чел. морскихъ батальоновъ, въ томъ числѣ 10 офицеровъ. (38)

Въ 1798 г., для соблюденія вооруженнаго нейтралитета, эскадра контръ-адмирала Шишкова крейсировала въ Балтій-

---

(33) — Архивъ Мор. Мин. дѣло. гр. Чернышова № 351 стр. 183 и 184

(34) — „ „ „ Канц. Адм. Колл. 1700 № 188.

(35) — „ „ тамъ же

(36) — „ „ „ тамъ же 1793, № 203.

(37) — „ „ „ тамъ же 1795, № 279.

(38) — „ „ „ тамъ же 1796, № 281 и 1797, № 282

скомъ морѣ. На ней находилось 727 чел. морскихъ батальоновъ, въ томъ числѣ 15 офицеровъ.(39)

Въ томъ же 1798 г., на отправленныхъ въ помощь англичанамъ двухъ эскадрахъ находились: на эскадрѣ адмирала Макарова, посланной изъ Балтійскаго моря (5 кораблей и 1 фрегатъ) — 22 офицера и 768 чел. морскихъ батальоновъ, и на эскадрѣ адмирала Тета (5 кораблей и 2 фрегата) — 16 офицеровъ и 800 чел. морскихъ батальоновъ.(40)

Въ 1799 г. часть экспедиціоннаго корпуса, назначеннаго для высадки въ Голландіи, была перевезена на судахъ эскадры адмирала Чичагова, а другая — на англійскихъ судахъ.(41) Экспедиція эта окончилась неудачей, русскіе войска были перевезены на англійскіе острова Джерсей и Гернсей, гдѣ имъ пришлось перенести много лишеній до возвращенія въ Россію.

Помощь, оказанная русскими эскадрами англичанамъ, была отмѣчена благодарственнымъ письмомъ адмирала лорда Дункана — вице-адмиралу Макарову, ниже сего приводимаго:

Копія съ письма отъ адмирала лорда Дункана къ вице-адмиралу Макарову.

Августа 25/Сентября 5, 1799 г.

М. Г.

Я сейчасъ получилъ письмо отъ господъ членовъ Адмиралтейской Коллегій, изъявляющее что Его Величество и вся нація вообще имѣютъ высокое мнѣніе о великомъ усердіи и ревности всѣхъ чиновъ по морской части, находящихся въ бывшей счастливой экспедиціи, и мнѣ повѣлено отъ достопочтенныхъ членовъ Коллегіи сообщить Вамъ, что они чувствуютъ въ высокой степени сильную помощь, духъ и усердіе, оказанное при семъ случаѣ Вашимъ Превосходительствомъ вообще съ вице-адмираломъ Тетомъ, всѣми капитанами, офицерами, матросами и солдатами Е. И. Величества кораблей ввѣренныхъ Вашему начальству и при семъ просятъ, дабы Ваше Превосходительство изволили о томъ дать знать всѣмъ Вашимъ подкомандующимъ.

Имѣю честь быть и проч. и проч. Лордъ Дунканъ.

---

(39) — Арх. Мор. Мин. Дѣла Адм. Колл. 1798, № 229

(40) „ „ „ тамъ же 1798 №№ 283 и 284

(41) — „ „ „ тамъ же 1801 №№ 691 и 40.

***

Въ 1788 г., въ добавленіе къ 8-ми морскимъ батальонамъ, были сформированы еще 4 батальона для гребного флота, а въ 1799 г. изъ этихъ 4 батальоновъ были сформированы 2 морскихъ мушкетерскихъ полка и 2 артиллерійскія бригады.

Въ Черномъ морѣ къ существовавшимъ въ Донскомъ флотѣ солдатскимъ батальонамъ былъ добавленъ Гренадерскій Корпусъ изъ 4 батальоновъ для несенія службы на корабельномъ флотѣ, который поступилъ въ вѣденіе Военной Коллегіи.

Въ 1790 г., при осадѣ Измаила, Николаевскій приморскій полкъ, составленный изъ Николавскаго гренадерскаго и Ярославскаго пѣхотнаго, находился на судахъ гребной флотиліи генералъ-майора Де Рибасъ.

***

Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, для гарнизона Гатчины, въ распоряженіе Генералъ-Адмирала, Вел. Князя Павла Петровича, были выдѣлены 4 батальона отъ двухъ морскихъ мушкетерскихъ полковъ. Эти батальоны вошли въ составъ такъ называемыхъ „Гатчинцевъ", которыми командовалъ самъ Павелъ Петровичъ. Частью еще въ царствованіе Императора Павла I, частью позже, при Александрѣ I, чины этихъ батальоновъ, въ награду за примѣрную службу, переводились въ Гвардію (Л.-Гв. Преображенскій и Семеновскій полки). Изъ оставшихся былъ сформированъ 1-ый Флотскій батальонъ изъ 630 чел., 11 унтеръ-офицеровъ и 63 офицеровъ, который впослѣдствіи въ 1810 году вошелъ частью въ составъ Гвардейскаго Экипажа.

ЭКСПЕДИЦІЯ АДМИРАЛА УШАКОВА ВЪ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ 1798-1800

13 августа 1798 г. эскадра адмирала Ушакова въ составѣ 6 кораблей, 7 фрегатовъ и 3 мелкихъ судовъ вышла изъ Севастополя. На судахъ эскадры находилось 37 офицеровъ и 1.663 морскихъ солдатъ Черноморскихъ батальоновъ.

Адмиралъ Ушаковъ прежде всего двинулся къ Іоническимъ островамъ, чтобы очистить ихъ отъ французовъ. О-ва Цериго, Занте, Кефалонія и Св. Мавры сдались почти что

безъ сопротивленія. Французскіе гарнизоны положили оружіе и получили право возвратиться во Францію съ обязательствомъ не служить противъ Россіи годъ и одинъ день. Жители вездѣ встрѣчали русскія войска съ восторгомъ. Окна домовъ были убраны изображеніемъ андреевскаго креста и русскими флагами.(42)

При осадѣ крѣпости Корфу съ кораблей былъ высаженъ десантъ въ 147 чел. и въ стычкахъ съ противникомъ потерялъ 28 морскихъ солдатъ убитыми и 2-хъ офицеровъ и 66 морскихъ солдатъ ранеными. 18 февраля 1799 г. адмиралъ Ушаковъ атаковалъ крѣпость. Десантъ былъ заблаговременно посаженъ на гребныя суда, на которыхъ имѣлись всѣ принадлежности для штурма. Вмѣсто знаменъ, были — флаги. Весь десантъ состоялъ изъ 730 чел. Черноморскихъ батальоновъ, 68 артиллеристовъ, 610 матросовъ, всего 1,408 чел. русскихъ и 750 чел. турокъ.(43) Войска высадились подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, но укрѣпленія были скоро взяты, и французы сдались.

По окончаніи боя, турки, по своему обычаю, началп рѣзать головы всѣмъ плѣннымъ, попавшимъ имъ въ руки. Никакія увѣщанія или угрозы не могли предотвратить рѣзню. Тогда майоръ Галинъ составилъ каре изъ людей своего отряда, укрывъ въ серединѣ его плѣнныхъ. Нѣсколько офицеровъ и солдатъ бросились вслѣдъ за турками и т. к. мусульманину за каждуя голову платился червонецъ, то всѣ они, не исключая даже простыхъ рядовыхъ, стали собственными деньгами выкупать плѣнныхъ. Одинъ изъ офицеровъ, замѣтивъ, что турки окружили молодого французскаго офицера, поспѣшилъ къ нему въ то самое время, когда несчастный уже развязывалъ галстухъ, имѣя передъ глазами открытый мѣшокъ съ дымящимися еще головами своихъ соотечественниковъ. Узнавъ, что за выкупъ его требовалось нѣсколько червонцевъ, офицеръ отдалъ свои часы и голова француза, адъютанта генерала Вердье, осталась на плечахъ.(44) Во время штурма потери Черноморскихъ морскихъ батальоновъ были: 1 офицеръ и 22 нижнихъ чина. За успѣшныя дѣйствія морскихъ батальоновъ 9 офицеровъ и 256 ниж. чиновъ получили ордена и знаки отличія Св. Анны. Въ

(42) — Милютинъ. Война Россіи и Франціи 1799. Томъ I.

(43) — Скаловскій, жизнь адмирала Ушакова.

началѣ марта 1799 г. были получены пополненія, и на всѣхъ судахъ эскадры адм. Ушакова число чиновъ Черноморскихъ морскихъ батальоновъ достигло: офицеровъ 45, нижн. чиновъ 2011.

Организовавъ управленіе Іоническихъ острововъ, адмиралъ Ушаковъ назначилъ на нихъ для несенія карауловъ небольшія команды изъ морскихъ батальоновъ: на о-вѣ Цериго — 1 офиц. и 102 ниж. чина, на о-вѣ Занта — 12 нижн. чин., на о-вѣ Кефалонія — 1 офиц. и 12 ниж. чин., на о-вѣ Св. Марфы — 12 ниж. чин. (45) Освободивъ Іоническіе о-ва изъ подъ вліянія французовъ, адмиралъ Ушаковъ образовалъ изъ нихъ независимую республику, подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.

Въ началѣ апрѣля 1799 г. адмиралъ послалъ къ неаполитанскимъ берегамъ отрядъ изъ 4 фрегатовъ и 1 шхуны, подъ начальствомъ кап. 2 р. Сорокина, который 23 апрѣля бросилъ якорь у Бриндизи и точасъ же занялъ цитадель. Въ окрестныя селенія были посланы двѣ команды: одна въ 30, другая въ 50 чел. при офицерѣ.

3 мая кап. 2 р. Сорокинъ высадилъ въ Бари десантъ въ 150 чел. съ 4-мя полевыми орудіями и занялъ форты. 9 мая кап. 2 р. Сорокинъ всталъ на якорь у Барогеммы и высадилъ десантъ въ 390 морскихъ солдатъ и матросовъ съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ кап.-лейт. Белли. Въ дальнѣйшемъ отрядъ кап.-лейт. Белли получилъ подкрѣпленія и состоялъ изъ: 384 чел. Черноморскихъ батальоновъ, 156 матросовъ, 37 артиллеристовъ и 30 неаполитанскихъ матросовъ, всего 607 чел. при 6-ти орудіяхъ. Всѣ чины отряда были съ судовъ отряда кап. 2 р. Сорокина: фрегатовъ „Григорій Великой Арменіи", „Св. Михаилъ", „Св. Николай", „Счастливый" и шхуны № 1. (45)

Занявъ прилегающіе форты, Белли 4-го іюня занялъ Неаполь. Вслѣдъ за этимъ сдались Белли г. Кануа и крѣпость Гаэта. Все Неаполитанское Королевство было освобождено изъ подъ власти французовъ.

Кап.-лейт. Белли былъ пожалованъ орденомъ Анны 1-ой степени, а 5 офицеровъ и чины Черноморскихъ батальоновъ получили ордена и знаки отличія Св. Анны.

---

(44) — Скаловскій, Жизнь адмирала Ушакова.

(45) — Арх. Мор. Мин. д. Канц. Адм. Коллег. 1799 № 696.

21 августа произошло соединеніе эскадры адмирала Ушакова и эскадры адмирала Карцева, состоявшей изъ кораблей „Исидоръ" „Азія" и „Побѣда" и фрегата „Поспѣшный". На этихъ судахъ находилось 14 офицеровъ и 446 чел. морскихъ батальоновъ Балтійскаго флота.(46) 2 сентября соединенная эскадры пошли въ Неаполь и, прибывъ туда, адмиралъ Ушаковъ немедленно послалъ отрядъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Скрипора, для занятія Рима. 30 сентюбря 1799 г. русскія войска торжественно вступили въ Римъ. Отрядъ полковника Скрипора состоялъ изъ: 644 чел. Черноморскихъ морскихъ батальоновъ, 59 чел. Балтійскихъ морскихъ батальоновъ, 38 чел. (4 орудія) артиллерійской команды, 47 чел. флотскихъ команды и 32 албанцевъ, всего 820 чел.

ДѢЙСТВІЯ ПОДЪ АНКОНОЙ

Еще въ маѣ 1799 г. эскадра адмирала Пустошкина была отправлена изъ Корфу къ крѣпости Анкона. 29 мая въ Пезаро былъ высаженъ десантъ въ 2,000 чел. при 3 орудіяхъ, который двинулся къ Фано. Военныя дѣйствія развивались удачно, и Пустошкинъ хотѣлъ уже приступить къ дѣйствіямъ противъ Анконы, когда получилъ приказаніе отъ адмирала Ушакова возвратиться въ Корфу.(47) 26 іюня Ушаковъ вновь отправилъ къ Анконѣ отрядъ подъ начальствомъ графа Войновича. 14 іюля въ Пезаро былъ высаженъ десантъ изъ 287 чел. Черноморскихъ батальоновъ и 150 турокъ съ 5-ю десантными орудіями. Ночью десантъ двинулся къ Фано и утромъ штурмовалъ его, но былъ отбитъ. Было высажено еще 300 чел. Черноморскихъ батальоновъ, и 17-го крѣпость сдалась на капитуляцію.(48) При атакѣ крѣпости Фано участвовало 200 чел. Черноморскихъ батальоновъ, 70 матросовъ, 150 турокъ и 40 чел. конницы.(49) 22 іюня отрядъ кап. 2 р. Мессера, состоявшій изъ 212 чел. Черноморскихъ батальоновъ, 155 флотскихъ и 14 артиллеристовъ, и поддержан-

(46) — Арх. Мор. Мин. Дѣла Адм. Кол. 1799 № 696, стр. 319

(47) — „ „ „ гр. Кушелева № 85

(48) — Арх. Мор. Мин. Дѣла гр. Кушелева № 85

(49) — Милютинъ, Война Россіи и Франціи въ 1799 г.

ный 160 турками и 200 вооруженными жителями.(50) началъ наступленіе къ Анконѣ. Противникъ отступалъ безъ боя. На разсвѣтѣ 25 августа два судна подошли къ Мезенѣ и высадили десантъ изъ 100 чел. Въ это же время отрядъ кап. 2 р. Мессера атаковалъ непріятеля съ суши. Въ этомъ бою отрядъ потерялъ убитыми 2-хъ матросовъ и 2-хъ солдатъ и ранеными 4 матросовъ и 6 солдатъ.(51) 28 іюля отрядъ атаковалъ и захватилъ редутъ передъ Анконой. Потери отряда были 5 убитыхъ и 4 раненыхъ. 1 августа началасъ осада Анконы.(52) За дѣйствія подъ Анконой 9 офицеровъ Черноморскихъ батальоновъ были награждены знакомъ отличія Св. Анны.

Въ концѣ августа небольшой отрядъ, подъ начальствомъ адмирала Пустошкина былъ посланъ для блокады Генуи, осажденной австрійскимъ отрядомъ въ 15.000 чел. Въ помощь имъ былъ высаженъ десантъ морскихъ солдатъ Черноморскихъ батальоновъ въ 200 чел. при 8 офицерахъ. Предпринятая атака не увѣнчалась успѣхомъ и австрійцы были разбиты на-голову. Солдаты Черноморскихъ батальоновъ выполнили возложенную на нихъ задачу и пройдя двое воротъ ворвались въ городъ. Здѣсь, оставленные австрійцами, они были окружены и должены были штыками прокладывать себѣ обратный путь. При отступленіи морскіе содаты освободили 48 австрійскихъ егерей, взятыхъ въ плѣнъ французами. Въ этомъ бою потери отряда были: убитыми — 38, ранеными — 18, взятыхъ въ плѣнъ — 19 чел. Офицеры и солдаты выказали отличное мужество и храбрость и пробились штыками сквозь непріятеля, не оставляя раненыхъ, которые всѣ были вынесены съ поля сраженія.(53)

Вскорѣ послѣ этого Императоръ Павелъ I указомъ отъ 20 января 1800 г. воспретилъ оказывать австрійцамъ какое-либо содѣйствіе.(54)

Въ концѣ ноября 1799 г. въ Корфу прибыло 2 гренадерскихъ батальона генералъ-майора Бороздина, которые бы-

---

(50) — Арх. Мор. Мин. Дѣла гр. Кушелева № 85

(51) — тамъ же

(52) — „тамъ же

(53) — дѣла Адм. Кол. 1800, № 607

(54) — Арх.Мор. Мин. Дѣла гр. Кушелева № 85

ли отправлены въ Неаполь для охраны короля.(55)

Въ апрѣлѣ 1800 г. почти весь флотъ сосредоточился въ Корфу. Всего по спискамъ на всѣхъ судахъ состояло морскихъ батальоновъ:

Черноморск. морск. батальоновъ: —	офиц.	65,	ниж. чин.	1857
Балтiйскихъ	„	13		436
Всего	„	78		2293

Въ серединѣ сентября 1800 г. адмиралъ Ушаковъ возвратился въ Черное море. Въ Средиземномъ морѣ осталась еще эскадра кап. 2 р. Сорокина въ Неаполѣ и отрядъ графа Войновича у Анконы. Эскадра кап. 2 р. Сорокина состояла изъ фрегатовъ „Св. Михаилъ", „Григорiй Великой Арменiи" и „Св. Николай". На нихъ находилось Черноморскихъ морскихъ батальоновъ 13 офицеровъ и 455 ниж. чин. Эскадра оставалась въ Неаполѣ до 1803 г.(56)

***

Въ царствованiе Императора Павла I въ 1797 г. Балтiйскiй флотъ былъ раздѣленъ на 3 дивизiи: бѣлаго, краснаго и синяго флага. Каждая дивизiя раздѣлялась на три эскадры и на каждой эскадрѣ долженъ былъ находиться одинъ морской батальонъ. Ввиду этого, въ добавленiе къ 8-ми батальонамъ число ихъ было увеличено до 9. Изъ 4-го и 5-го батальоновъ, бывшихъ въ Ревелѣ, былъ сформированъ 6-ой батальонъ, а прежнiй 6-ой батальонъ, находившiйся въ Кронштадтѣ, былъ переименованъ въ 9-ый.(57)

По штату каждый батальонъ состоялъ изъ одной гренадерской и пяти мушкетерскихъ ротъ. Между собой батальоны различались по цвѣту шапокъ и нашивокъ на мундирахъ, которые были: въ 1-мъ бат. — бѣлыя, во 2-мъ — синiя, въ 3-мъ — желтыя, въ 4-мъ — фiолетовыя, въ 5-мъ — оранжевыя, въ 6-мъ — зеленыя, въ 7-мъ — черныя, въ 8-мъ — сѣрыя и въ 9-мъ — розовыя. Батальоны должны были именоваться по фамилiямъ своихъ командировъ, но въ 1801 г. повелено было именоваться по номерамъ. Въ 1802 г. всѣмъ морскимъ батальонамъ положено было имѣть мундиръ темносинiй, покроемъ какъ въ сухопутныхъ войскахъ, т. е. со

---

(55) — Арх. Мор. Мин. Дѣла Канц. Адм. Колл. 1799, № 696.

(56) — „ „ „ гр. Войновича

(57) — „ „ „ „ Канц. Адм. Колл. № 412 и Высоч. повел. № 61 и 62

стоячимъ воротникомъ, прозрѣзанными обшлагами, на нихъ клапандели съ обкладкой на поляхъ и фалдахъ бѣлаго сукна. Панталоны были бѣлые и сапоги короткіе. Батальоны между собой отличались по цвѣту погонъ: 1-го бат. — красные, 2-го бѣлые, 3-го — желтые, 4-го — свѣтломалиновые, 5-го — бирюзовые, 6-го — розовые, 7-го — свѣтлозеленые, 8-го — сѣрые и 9-го — лиловые. На шапкахъ верхушки во всѣхъ батальонахъ были бѣлыя, а задники по цвѣту погонъ. Шинели были сѣрыя съ бѣлымъ стоячимъ воротникомъ и погонами того же цвѣта, какъ на мундирахъ. Штабъ и оберъ-офицеры на шляпахъ носили бѣлые султаны. Черноморскіе батальоны получили обмундированіе, сходное съ обмундированіемъ Балтійскаго флота.

Въ 1803 г. всѣ морскіе батальоны были сведены въ полки. Причины, побудившія это преобразованіе были: разнообразіе въ обученіи и во внутренной жизни батальоновъ. Полки состояли изъ 3-хъ батальоновъ, изъ которыхъ одинъ былъ гренадерскій, а два мушкетерскихъ. Численный составъ полка былъ 2067 чел., въ военное время увеличивающійся до 2,355 чел. Каждый батальонъ состоялъ изъ 4-хъ ротъ, именовавшихъ по фамиліи командира. При Морскихъ полкахъ полагалось имѣть артиллерійскія команды, которыя были сформированы въ 1809 г. (Офиц. - 4, ниж. чин. - 120). Артиллерія этихъ командъ состояла изъ 2 — 12 фунт. единороговъ и 4 — 6 фунт. пушекъ. Впослѣдствіи эти команды назывались артиллерійскими полуротами Морскихъ полковъ и составляли особую бригаду. Сформированные полки были подчинены особымъ инспекторамъ.

При сформированіи каждому полку было пожаловано 6 знамен, по 2 на батальонъ. Одно изъ нихъ было бѣлое, а другія 5 съ синимъ крестомъ и бѣлыми углами.(58)

Въ Балтійскомъ флотѣ, въ Кронштадтѣ, изъ 1-го, 2-го и 7-го морскихъ батальоновъ былъ сформированъ 1-ый Морской полкъ, изъ 3-го, 8-го и 9-го морского батальона — 2-ой Морской полкъ и изъ 4-го, 5-го и 6-го — 3-ій Морской полкъ. Лѣтомъ Морскіе полки Балтійскаго флота выводили часть людей въ плаваніе, остальныхъ въ лагерь у дер. Мартышкино около Ораніенбаума.

Въ Черномъ морѣ, изъ трехъ Черноморскихъ батальо-

(58) — Висковатовъ, часть 17, стр. 55

новъ былъ сформированъ 4-ый Морской полкъ со стоянкой въ г. Николаевѣ.(59) Часть чиновъ 4-го полка оставалась на суднахъ эскадры капитана Сорокина и гр. Войновича, находившихся въ Средиземномъ морѣ. Формированіе было окончательно закончено къ 30 сентября 1804 г.(60) Чины Балтійскихъ морскихъ батальоновъ, находившіеся на различныхъ судахъ эскадръ въ Адріатическомъ морѣ, были причислены къ 3-му Морскому полку. Одновременно, оставшіеся въ Кронштадтѣ 2 батальона 2-го Морского полка были присоединены — одинъ къ 1-му, другой къ 3-му Морскому полку.(61)

Въ 1805 г. для Каспійской флотиліи былъ сформированъ Морской полкъ 4-хротнаго состава — 14 офицеровъ и 505 нижн. чин. Составъ его былъ частью выдѣленъ Балтійскими Морскими полками и частью существовавшими въ Каспіи морскими солдатами.

Одновременно съ переформированіемъ морскихъ батальоновъ въ Морскіе полки было измѣнено и обмундированіе. Офицеры имѣли мундиры темнозеленаго сукна съ бѣдой выпушкой вокругъ воротника, обшлаговъ и на поляхъ. Пуговцы желтыя, нашивались по борту въ два ряда. Эполеты на обѣихъ плечахъ были суконные, обшитые узенькимъ золотымъ галуномъ, въ 1-мъ полку — красные, во 2-мъ — бѣлые, въ 3-мъ желтые и въ 4-мъ — голубые. Панталоны были темнозеленые съ бѣлой выпушкой по бокамъ. Кромѣ того были установлены еще и сѣрые панталоны. Ботинки были такіе же какъ въ пѣхотныхъ полкахъ. Шляпа — большая трехугольная съ золотой петлицей и чернымъ султаномъ.

Нижніе чины имѣли мундиръ темнозеленаго сукна съ тѣми же выпушками, пуговицы мѣдныя по бортамъ въ два ряда, погоны тѣхъ же цвѣтовъ, какъ у офицеровъ. Головной уборъ — шапка чернаго сукна.

Во время плаванія на корабляхъ, служба солдатъ Морскихъ полковъ состояла въ слѣдующемъ: солдатскіе офицеры находились въ полномъ подчиненіи у корабельнаго капитана и каждый день ему рапортовали о состояніи солдатской команды. Солдатскія команды раздѣлялись на вахты

---

(59) — Арх. Мор. Мин. Высоч. Повел. 77-81-86

(60) — „ „ , дѣло ген. майора Широкова № 50

(61) — „ „ „ Высоч. Повел. № 90

и держали посты: у капитанской каюты — 2 гренадера, у каютъ-компанiи — 1 солдатъ, онъ же далженъ былъ смотрѣть и наблюдать песочные часы; на шкафутахъ — по часомвому (2), на бакѣ и у крюйдъ-камеры — по 1 чел. Патронные ящики должны были быть въ крюйдъ-камерѣ, ружья хранились подъ шканцами. Караулъ съ ружьями, во время военныхъ дѣйствiй заряженными пулей, долженъ былъ быть всегда готовымъ къ вызову на шканцы. Часовые въ военное время должны были быть съ заряженными пулей ружьями и „смотрѣть крѣпко, чтобы не подпустить къ кораблю какого-либо судна, не донеся о томъ вахтенному офицеру и не окликнувъ".

Во время сраженiя солдатскiй офицеръ долженъ былъ командовать солдатами наверху корабля, а въ случаѣ абордажа — руководить абордажнымъ отдѣленiемъ.

Гренадеровъ распредѣляли по марсамъ чтобы они „оттуда могли съ лучшимъ успѣхомъ бросать гранаты".

При абордажѣ требовалось, подходя къ абордируемому кораблю, стараться стрѣлять изъ нижняго и средняго дека, а верхнiй оставлять въ запасъ для ближашихъ выстрѣловъ, не допускать абордажныя партiи перескакивать на непрiятельскiй корабль, прежде чѣмъ очищены будутъ съ непрiятельской палубы люди, коихъ стараться сбивать картечью изъ фальконетовъ и мушкетовъ съ марсовъ. Первая партiя должна была, бросивъ гранаты, идти съ тсаками или штыками прямо на непрiятельскiй корабль. Каждый солдатъ долженъ былъ имѣть при себѣ ружье, тесакъ, нѣсколько гранатъ и пистолетовъ, а матросы — по парѣ пистолетовъ, саблю, интрепель или мушкетонъ и нѣсколько гранатъ.

На кораблѣ абордажныхъ партiй имѣлось 4, каждая составлялась изъ 25 чел. — первая партiя составлялась изъ матросовъ, вторая изъ гренадеръ, третья и четвертая изъ солдатъ.

Никакая команда, находящаяся на судахъ, не имѣла права отговариваться отъ какой-либо работы.

Солдатскiе офицеры должны были наблюдать за чистотой своихъ командъ и, „какъ можно чаще обучать содатской экзерсицiи какъ безъ пальбы, такъ и съ пальбой".

Окончанiе слѣдуетъ.

———ooOoo———

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ НЕПЕНИНЪ

[Продолженіе]

ПРИМОРСКІЙ ФРОНТЪ КРѢПОСТИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Въ связи съ разработкой Большой Судостроительной Программы неизбѣжно возникъ вопросъ и о созданіи соотвѣтственной базы для новаго линейнаго флота.

Ни одинъ изъ имѣвшихся военныхъ портовъ Балтійскаго моря не отвѣчалъ ни стратегическимъ требованіямъ ни физическимъ качествамъ современныхъ кораблей.

Главная снабжающая и ремонтная база — Кронштадтъ, расположенная въ глубокомъ тылу, съ мелководными и замерзающими ведущими къ ней фарватерами, могла оказаться недоступной для корабля глубоко осѣвшаго вслѣдствіе понесенныхъ въ бою или на минахъ подводныхъ пробоинъ.

Это было осознано уже много раньше, и въ царствованіе Императора Александра III-го, по мысли Морского Министра адмирала Чихачева, было приступлено къ сооруженію новой оперативной базы въ Либавѣ, получившей имя этого Монарха.

Такое разрѣшеніе стратегической задачи того времени могло считаться, въ извѣстной мѣрѣ, удовлетворительнымъ. Главной цѣлью флоту ставилась охрана фланга русской арміи, фронтъ которой опирался на линію крѣпостей замыкавшуюся у моря Либавой. И, при сравнительно равныхъ силахъ флотовъ противниковъ, высадка большихъ силъ германской арміи въ тылу этого фронта была бы крайне рискованной.

Насколько, однако, неудовлетворительно было техни-

ническое ея выполненіе и недальновидность въ отношеніи уже тогда намѣчавшагося роста водоизмѣщенія боевыхъ судовъ можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру.

Единственный вычерпанный въ песчаномъ днѣ узкій входной каналъ оказался слишкомъ мелководнымъ и въ исторіи порта имѣли мѣсто два случая когда корабли, даже при нормальной ихъ осадкѣ и маломъ ходѣ, получали поврежденія днища слѣдуя точно по створу входныхъ въ аванпортъ огней.

Уходившій на Дальній Востокъ броненосецъ „Полтава" при проходѣ каналомъ чиркнулъ обо что-то днищемъ. Осмотръ водолазами обнаружилъ небольшую вмятину вдоль киля, къ счастью не помѣшавшую кораблю идти по назначенію. Траленіемъ канала ничего обнаружено не было и дѣло было предано забвенію.*)

Однако, осенью 1908-го рода, совершенно то же повторилось съ линейнымъ кораблемъ „Слава", возвращавшимся съ моря послѣ выхода для уничтоженія девіации компасовъ. Вслѣдствіе большей осадки „Слава" получила и значительно большую вмятину днища и только благодаря заливкѣ бетономъ давшихъ течь междудонныхъ пространствъ, корабль смогъ идти, вмѣстѣ съ другими судами учебнаго Отряда для Плаванія съ Корабельными Гардемаринами, въ зимнее заграничное плаваніе. Тотчасъ сдѣланными тремя засѣчками мѣсто аваріи было опредѣлено на самомъ створѣ. Однако, всѣ усилія обнаружить съ помощью сооруженнаго портомъ жесткаго трала и судовыми средствами обо что корабль зацѣпилъ, въ теченіе трехъ дней были безрезультатны. При небольшой зыби тралы проносило. Уже были пущены слухи, будто кто-то видѣлъ, что „Слава" шла не по створу, а, что, молъ, командиръ и штурманъ говорятъ другое, то...... Словомъ — ни болѣе ни менѣе, какъ намекалось на служебный подлогъ.

Изъ Петербурга прибыла слѣдственная комиссія. И, вотъ, въ день, когда всѣ прикосновенные къ дѣлу были вызваны въ Морское Собраніе къ девяти часамъ утра для дачи показаній, за полчаса до подъема флага, при полномъ

---

* По личному разсказу Пом-ка К-ра Порта, кап. 1 р. Форсель, автору, бывшему Старшимъ Штурманомъ л. к. „Слава" при слѣдующемъ инцидентѣ. Б. Д.

штилѣ, тралъ, наконецъ, зацѣпилъ за что-то. Тотчасъ прибывшіе водолазы Отряда Подводнаго Плаванія съ лейт-мъ Никифораки во главѣ обнаружили на мѣстѣ брошеннаго буйка большой бетонный массивъ, изъ которыхъ строились волноломы порта, и на немъ свѣжіе слѣды краски днища черкнувшей по нему „Славы". Вѣроятно на немъ же получила давно назадъ поврежденія и „Полтава". Слѣдствіе было отмѣнено и Комиссія тотчасъ отбыла во-свояси. Поднимать дѣло о чьихъ-то старыхъ грѣхахъ было, конечно, безсмысленно. А виновникъ всего дѣла — злополучный массивъ — былъ уничтоженъ взрывомъ, оставивъ лишь горькій слѣдъ въ сердцахъ „прикосновенныхъ" лицъ, служебную карьеру которыхъ онъ едва не повредилъ хуже чѣмъ самый корабль.*)

После Японской войны стратегическое положеніе на Балтійскомъ театрѣ кореннымъ образомъ измѣнилось. При создавшемся соотношеніи силъ флотовъ Россіи и Германіи, Портъ Императора Александра III-го терялъ всякое значеніе. Этому способствовало и измѣненіе взглядовъ Генеральнаго Штаба Арміи на стратегическое значеніе крѣпостей вообще. Идея полевой маневренной войны смотрѣла на нихъ какъ на элементъ стѣсняющій свободу движеній армій. Къ тому же существовавшія крѣпости, не отвѣчавшія современному оружію, были слишкомъ слабы и требовали полнаго перевооруженія и передѣлки своихъ укрѣпленій. А такъ какъ времени на это не было, то большинство изъ нихъ, и въ томъ числѣ Либавскую крѣпость, было рѣшено разоружить вовсе. Поэтому лишенный всякой защиты портъ подлежалъ по мобилизаціи оставленію, а его сооруженія, способныя послужить на пользу врагу, и уничтоженію.

Свеаборгъ, стратегическое положеніе котораго, въ связи съ новымъ планомъ обороны подступовъ къ столицѣ съ моря, стало для флота огромнымъ, по его физическимъ чертамъ далеко не отвѣчалъ маневреннымъ требованіямъ большихъ кораблей. И политическая обстановка въ Финляндіи, создавшаяся подъ вліяніемъ попытокъ ограниченія ея само-

---

* Съ глубокой благодарностью вспоминается джентельменское отношеніе къ дѣлу К-ра „Славы", кап. 1 р. Э. Э. Кетлера, до конца морально поддерживавшаго и защищавщаго своего молодого Штурманскаго Офицера и ни на минуту не измѣнившаго къ нему своего добраго отношенія и довѣрія. Б. Д.

стоятельности, разрушавшихъ то лойяльное отношеніе ея народа къ Великокняжеской Коронѣ Русскихъ Императоровъ, которое культивировалось въ теченіи цѣлаго столѣтія, была теперь неблагопріятна. Крайніе и, какъ всегда, поэтому самые активные, элементы видѣли въ русскомъ революціонномъ движеніи путь къ завоеванію полной независимости страны, а въ Германіи свою союзницу въ этомъ отношеніи.

Въ такихъ условіяхъ работа разлагающей воинскія части революціонной пропаганды и германскаго шпіонажа шли рука объ руку и оградить отъ нея стоящій въ порту Свеаборга флотъ было трудно.

Несравненно благопріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ являлся Ревель. Его расположеніе на самомъ флангѣ главной оборонительной позиціи. — Наргенъ-Поркалаудскаго миннаго загражденія, обширный и доступный рейдъ, легко оборонямый съ моря благодаря прикрывающимъ входы островамъ, отсутствіе сепаратическихъ тенденцій у мѣстнаго населенія и близость чисто-русскаго тылового района, по которому проходятъ пути сообщенія съ центромъ и, наконецъ, отдаленность отъ границы — все говорило въ пользу созданія въ немъ главной базы флота. И надо думать, что только соображенія финансоваго характера привели къ тому, что Ревельскій портъ до послѣдняго времени оставался лишь второстепенной базой учебно-артиллерійскаго отряда и не имѣлъ даже никакихъ оборонительныхъ сооруженій.

Новые планы на морѣ повелительно этого потребовали. А это влекло за собою и необходимость созданія обороны, какъ съ моря такъ и съ суши, т к., въ случаѣ глубокаго отхода праваго фланга русскихъ армій за Двину, Ревельская крѣпость становилась бы ключемъ и къ сухопутной оборонѣ столицы.

И, вотъ теперь, подъ давленіемъ сложившейся новой грозной обстановки, Ревелю предназначалось занять вновь то историческое положеніе, которое онъ гордо несъ еще во времена своихъ владѣтельныхъ епископовъ — рыцарей, охраняя свободу морскихъ и сухопутныхъ дорогъ на востокъ.

Совмѣстными трудами Морского и Военно-Инженернаго Вѣдомствъ общій планъ строительныхъ работъ былъ выработанъ и въ 1913-мъ году къ нему было приступлено.

Печальный опытъ раздвоенія власти въ Портъ-Артурѣ, приведшаго къ нарушенію координаціи оборонительныхъ работъ крѣпости со стороны моря и суши, а во время войны закончившагося единоличной сдачей крѣпости Начальниомъ Укрѣпленнаго Района Квантунгскаго Полуострова, даже безъ предварительнаро соглашенія съ командованіемъ того флота, для защиты котораго она была создана, былъ теперь учтенъ. И комендантомъ «МОРСКОЙ КРѢПОСТИ», получившей, вмѣстѣ съ обслуживаемымъ ею портомъ, имя «ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО», сталъ адмиралъ, подчиненный Командующему Морскими Силами.

Работы по сооруженію и комплектованію сухопутнаго фронта производились Военнымъ Вѣдомствомъ, имѣвшимъ въ этихъ вопросахъ вѣковой опытъ, готовый личный составъ и даже вооруженіе, благодаря чему всѣ требуемыя положенія, смѣты, штаты и пр. имъ могли быть проведены по трафарету, и пошли скоро.

Что же касается Приморскаго ея фронта, задачей котораго являлась не только оборона его съ моря, но и, прежде всего, артиллерійская поддержка флота при защитѣ главной позиціи — преграждающаго заливъ миннаго поля — то Морскому Вѣдомству приходилось еще тщательно всѣ эти вопросы организаціи разработать, а матеріальную часть, включая само вооруженіе фортовъ, цѣликомъ создавать.

Но время не ждало, и, вотъ, по мѣткому выраженію одного изъ видныхъ работниковъ по вооруженію Приморскаго Фронта Крѣпости*, фронтъ этотъ начался „явочнымъ порядкомъ... Всякіе штаты и волокиты послѣдовали позже.”

Морской Министръ — Адмиралъ И. К. Григоровичъ — выгодно отличался отъ большинства своихъ предшественниковъ сочетаніемъ сильной воли съ дипломатическими качествами. Въ немъ не было ни чертъ сатрапа, распоряжающагося въ своемъ вѣдомствѣ по собственной прихоти, ни, съ другой стороны, и сухого бюрократизма, стоящаго на буквѣ закона, ограждающей носителя ея отъ всякой личной отвѣтственности, хотя бы отъ этого и проистекалъ явный ущербъ службѣ.

---

*) Кап. 2-го ранга Н. Н. Александровъ. „Воспоминанія о Приморскомъ Фронтѣ Кр-ти Имп. Петра Великаго”, написанныя по просьбѣ автора въ 1959 г. Б. Д.

Это благодѣтельно сказалось и въ данномъ случаѣ. Пока давались заказы на орудія и башни для будущихъ фортовъ, готовность которыхъ ожидалась къ веснѣ 1915-го года, критическому, по разсчетамъ Русскихъ Генеральныхъ Штабовъ, времени предстоящей войны съ Германіей, Морское Министерство, не ожидая ассигнованія соотвѣтствующихъ средствъ, нашло возможнымъ достать и деньги, и людей и даже кой-какую артиллерію, чтобы уже съ весны 1913-го года приступить къ выполненію, по мѣрѣ возможности, настойчивыхъ требованій Эссена о скорѣйшемъ сооруженіи батарей и, при томъ, не только въ самой Морской Крѣпости, но и для защиты входовъ съ моря на стратегическіе фарватеры шхеръ, позволяющіе флоту оперировать впереди Наргенъ-Поркаллаудской позиціи.

Для разработки плановъ этихъ работъ по представленію Коменданта Крѣпости вице-адмирала Герасимова Командующимъ Морскими Силами назначался рядъ комиссій, въ составъ которыхъ входили какъ представители флота — контръ-адміралъ Хоменко, кап. 1 ранга В. Любинскій, Жерве, флагманскіе чины Штаба Флота, такъ и Военные инженеры — полковники Яронъ и Щегловъ и другіе специалисты.

А такъ какъ работа Службы Связи и ея наблюдательныхъ постовъ тѣсно соприкасалась съ обороной всего побережья, то и ея Начальникъ естественно привлекался къ участію въ этихъ комиссіяхъ, какъ лично такъ и въ лицѣ своихъ представителей — Инженеръ-Механика стар. лейт. В. П. Орлова* и лейт. Ф. Ю. Довконта** — при разсмотрѣніи вопросовъ техническаго организаціоннаго характера. Послѣднимъ былъ разработанъ при этомъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ Службы Связи съ Крѣпостью, и, въ результатѣ этой работы, комиссія пришла къ заключенію о желательности объединенія командованія Приморскимъ фронтомъ съ командованіемъ Службы Связи.

Такая структура, при которой начальникъ одной изъ частей флота, подчиненной непосредственно Командующему имъ, являлся въ то же время подчиненнымъ и Коменданту, въ свою очередь подчиненному той же высшей инстанціи, теоретически сомнительная, могла быть принята безъ воз-

---

*) Воспоминанія Инж.-Мех. кап. I р. В. П. Орлова о Непенинѣ. 1955 г.

**) Восп. кап. 2 р. Ф. Ю. Довконта о Непенинѣ, письмо автору.

раженій лишь потому, что вопросъ ставился, очевидно, въ плоскости персональной.

Разумѣется, въ рядахъ адмираловъ и другихъ старшихъ чиновъ флота имѣлось не мало офицеровъ со спеціальнымъ артиллерійскимъ образованіемъ, вполнѣ подготовленныхъ руководить технической стороной работы.

И если, несмотря на это, голосъ организаціонной комиссіи былъ горячо поддержанъ и Комендантомъ Крѣпости и Командующимъ Морскими Силами и, наконецъ, самимъ Морскимъ Министромъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что спѣшное важное дѣло должно было быть проведено лицомъ, уже доказавшимъ не только свои административныя и организаторскія дарованія, но и исключительную энергію въ осуществленіи мѣропріятій въ жизнь. И такимъ лицомъ всѣми этими инстанціями былъ единогласно признанъ капитанъ 1-го ранга Адріанъ Непенинъ.

Правда, какъ уже было сказано раньше, Григоровичъ, счелъ своимъ долгомъ предупредить Герасимова, когда тотъ просилъ объ этомъ назначеніи, о рѣзкомъ характерѣ Непенина. „Смотрите, онъ вѣдь даже мнѣ дерзилъ", — сказалъ онъ ему съ усмѣшкой.

Герасимовъ этимъ предупрежденіемъ пренебрегъ. — „Ничего, какъ-нибудь уживемся", — отвѣтилъ онъ.

Жизнь оправдала слова Министра. При ближайшемъ сотрудничествѣ этихъ двухъ людей, ихъ рѣзкое расхожденіе во взглядахъ на пути и методы работы не разъ приводило къ рѣзкимъ между ними столновеніямъ. И все же глубокое сознаніе отвѣтственности передъ порученнымъ имъ дѣломъ, стоявшее выше личныхъ отношеній, неизмѣнно приводило къ тому, что грозившіе полнымъ разрывомъ инциденты ни разу до него не довели и дѣло отъ нихъ только выигрывало. Ради пользы службѣ, два „норовистыхъ" адмирала „ужились".

Къ сожалѣнію свидѣтели такихъ столкновеній, запомнивъ ихъ внѣшнюю форму, не всегда могутъ указать вызывавшіе ихъ поводы.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ вспоминаетъ, что въ спорѣ по какому то вопросу Непенинъ, не обинусь, сказалъ: „удивляюсь способу мышленія вашего превосходительства." Герасимовъ вскипѣлъ: „Вы позабыли, что я комендантъ крѣпости и вашъ непосредственный начальникъ". Послѣдо-

вала небольшая пауза. Непенинъ встаетъ и отвѣчаетъ — „я остаюсь при своемъ мнѣніи, Ваше Пр-во". И на этомъ дѣло закончилось. Сущность спора память не сохранила, но можно думать, что и присутствовавшій на этомъ совѣщаніи представитель штаба арміи (вѣроятно членъ комиссіи отъ штаба Сѣверо-Западнаго фронта, которому флотъ и крѣпость подчинялись въ оперативномъ отношеніи Б. Д.) вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе Непенина, такъ какъ, по словамъ автора этихъ воспоминаній „впослѣдствіи Командующій Арміей только и обращался къ Адріану Ивановичу.*)

Разсказъ другого свидѣтеля**) подобныхъ столкновеній этихъ двухъ незаурядныхъ личностей вскрываетъ болѣе глубоко ихъ внутреннее содержаніе. Ему довелось присутствовать при двухъ случаяхъ.

„Когда на батареѣ № 2 (Суропъ) были окончательно установлены американскія 9½-дюймовыя 52хкалиберныя пушки", — говоритъ онъ, — „и пришло время опробовать ихъ установку, прибыли оба адмирала. *** При пробныхъ выстрѣлахъ вновь установленныхъ орудій, уставъ требуетъ соблюденія различныхъ правилъ. Одно изъ нихъ — производить выстрѣлъ шнуромъ съ опредѣленнаго разстоянія. Я былъ тогда комендантомъ (такъ насъ, командировъ батарей, именовали) этой батареи и всѣ правила полагалъ выполнить. Но адмиралъ Герасимовъ не пожелалъ ихъ придерживаться. Онъ даже не пожелалъ встать за щитъ орудія. Пришлось и мнѣ съ нимъ стоятъ на открытой площадкѣ орудія — всѣ другіе были за прикрытіемъ. Когда по моей командѣ былъ произведенъ выстрѣлъ, то ударъ вэздуха былъ настолько силенъ, что чуть не сбилъ насъ обоихъ съ ногъ и очень оглушило. Я слышалъ, какъ послѣ этого, на воркотню Герасимова, адмиралъ Непенинъ сказалъ что-то, вродѣ, — что „УСТАВЪ ПОСТРОЕНЪ НА ЗДРАВОМЪ СМЫСЛѢ, КОТОРЫЙ НАДО ПРИМѢНЯТЬ".

Георгіевскій кавалеръ, не кланявшійся передъ градомъ осыпавшихъ его миноносецъ снарядовъ и спокойно до самой гибели своего корабля имъ управлявшій, Непенинъ чрезвычайно строго относился къ безцѣльному риску жизнью и

*) Кап. I р. И.-Мех. В. П. Орловъ.

**) Ст. Лейт. Г. С. Серебренниковъ. Письмо 8-23-55 г.

***) Непенинъ былъ произведенъ въ адмиралы 1-го сент.-1914 г. Б. Д.

здоровьемъ своихъ подчиненныхъ. И бравада его начальника, рѣшительно ничѣмъ не оправдываемая, его могла взорвать.

Другимъ примѣромъ, говорящимъ объ отрицательномъ отношенiи его къ послѣднему, можетъ служить второй инцидентъ, имѣвшiй мѣсто на той же батареѣ, гдѣ состоялся завтракъ въ честь прибывшаго по повелѣнiю Государя для осмотра работъ въ крѣпости Великаго Князя Кирилла Владимировича.

„Сперва все шло чинно", говоритъ сидѣвшiй, какъ хозяинъ, во главѣ стола между Великимъ Княземъ и Комендантомъ Крѣпости, ея командиръ. (За ними сидѣли Непенинъ, какiе-то генералы и прочiе чины.) „Но, затѣмъ адмиралъ Герасимовъ сталъ чрезвычайно грубить Великому Князю, и послѣднiй сказалъ что-то нелестное насчетъ умственныхъ способностей Герасимова. Воцарилась очень непрiятная тишина, которую прервалъ Адрiанъ Ивановичъ, сказавшiй: — Да, такъ вотъ я и говорю", — какъ бы подтвердивъ мнѣнiе Великаго Князя.

Разумѣется, въ данномъ случаѣ могло имѣтъ мѣсто просто желанiе чѣмъ либо прервать эту тягостную для всѣхъ присутствовавшихъ тишину хоть какимъ-нибудь словомъ. Но, несомнѣнно, что и безтактность его начальника въ отношенiи члена Императорской Фамилiи передъ лицомъ присутствовавшихъ подчиненныхъ Непенину офицеровъ побудила его къ такому рѣзкому выраженiю своего неодобренiя.

Къ чести обоихъ этихъ горячихъ людей не только, какъ было сказано, ихъ общее дѣло нисколько не страдало, но они умѣли и отдавать должное другъ другу. Такъ, напримѣръ, Герасимовъ прибывъ одинъ разъ на Шпитгамнъ, гдѣ оборудовывалась тогда, ставшая потомъ такой важной въ исторiи войны на Балтiйскомъ морѣ, Радiостанцiя Службы Связи, за обѣдомъ съ работавшими на ней офицерами, — „ОЧЕНЬ ТЕПЛО отзывался о Непенинѣ".* И, въ свою очередь, Непенинъ не только никогда не говорилъ дурно о своемъ начальникѣ за глаза, но и безпрекословно подчинялся его распоряженiямъ, признавая его техническiя знанiя.

Назначенiе на должность Начальника Приморскаго Фронта Крѣпости открывало, согласно проэкту штатовъ послѣдня-

---

*) Кап. 1 р. В. П. Орловъ. Письмо 31-12-58 г.

го, путь къ дальнѣйшему повышенію Непенина по лѣстницѣ чинопроизводства, съ сохраненіемъ его въ Службѣ Связи, штаты которой предусматривали ея начальника лишь въ штабъ-офицерскомъ чинѣ. Подтвержденіемъ того, что это имѣлось въ виду можетъ служить тотъ фактъ, что хотя производство его въ контръ-адмиралы состоялось только 1-го Сентября 1914 года, ему по Высочайшему повелѣнію было при этомъ предоставлено старшинство въ чинѣ съ 23-го Декабря 1913 года.

Есть основанія думать, что уже въ началѣ 1913 года этотъ вопросъ о дальнѣйшей своей карьерѣ Непенина озабачивалъ. Въ частномъ разговорѣ со мною онъ какъ то разъ высказалъ свою озабоченность о томъ кому бы онъ могъ передать со спокойной совѣстью Службу Связи, если бы онъ получилъ другое назначеніе. На мой отвѣтъ, что естественнымъ его преемникомъ явился бы въ такомъ случаѣ кап. 2-го р. М. П. Давидовъ (Начальникъ Сѣв. Района Сл. Связи), онъ ничего не возразилъ, но у меня создалось впечатлѣніе, что въ то время онъ въ такомъ рѣшеніи колебался. Было еще слишкомъ много недодѣланнаго въ этомъ его излюбленномъ дѣтищѣ и онъ чувствовалъ, что только въ его собственныхъ рукахъ оно будетъ доведено до той высоты, о которой онъ мечталъ, приступая къ его созданію.

Весьма вѣроятно, что тоже самое думалъ и Эссенъ, изъ штаба котораго и изошла иниціатива о назначеніи Непенина Начальникомъ Приморскаго Фронта Крѣпости съ оставленіемъ въ должности Начальника Службы Связи.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Офиціальномъ Изданіи Морского Министерства „Списокъ Личнаго Состава Флота." (Исправленный по 2 Апрѣля 1916 года) Непенинъ, въ чинѣ контръ-адмирала, все еще числится „Начальникомъ Службы Связи въ Штабѣ Командующаго Морскими Силами Балтійскаго Моря". Правда, составители этихъ списковъ въ Главномъ Морскомъ Штабѣ, отличались небрежностью къ своей работѣ и допускали столько ошибокъ, что самъ Непенинъ шутя называлъ ихъ „сихъ дѣлъ мастера" и не считалъ

---

* „Списокъ Личнаго Состава Флота", испр. по 2 апрѣля 1916 г. По выпискамъ любезно сдѣланнымъ Зав. Архивомъ О-ва Оф. Р. И. Ф. С. В. Гладкимъ. Б. Д.

нужнымъ обращать на это вниманіе*), все же казалось бы, что въ данномъ случаѣ такая ошибка должна была бы быть кѣмъ либо изъ тѣхъ, „кому вѣдать надлежало" замѣченной. Вѣдь дѣло шло не о какомъ либо изъ многочисленныхъ лейтенантовъ, а о занимавшемъ два высокихъ поста адміралѣ. А между тѣмъ тамъ даже не упомянуто вовсе о Приморскомъ Фронтѣ.

**
*

Въ новой своей должности Непенинъ встрѣчается по службѣ съ цѣлымъ рядомъ офицеровъ, раньше никогда не имѣвшихъ случая ближе познакомиться съ нимъ. И, хотя, къ сожалѣнію, за долгими протекшими съ того времени годами и разбросанностью Русской Морской Зарубежной семьи, удалось получить воспоминанія о немъ лишь отъ очень ограниченаго числа этихъ послѣднихъ, все же и онѣ даютъ весьма яркую характеристику его, тѣмъ болѣе цѣнную, что она исходитъ не только отъ тѣхъ изъ его подчиненныхъ, которые могли особенно полюбить своего начальника за долгое время совмѣстной службы.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ свои впечатлѣнія одинъ изъ молодыхъ командировъ батарей фронта.**)

„Съ Адріаномъ Ивановичемъ я познакомился 12 іюля 1913 года въ 8 часовъ вечера на площади въ порту въ Ревелѣ, когда я рапортовалъ ему о прибытіи въ его распоряженіе съ 3 офицерами и 200 учениками комендорами съ учебнаго судна „Петръ Великій". Толковость распоряженій, ясность и краткость рѣчи Адріана Ивановича меня поразили..... Онъ все зналъ и въ то же время предоставлялъ намъ, артиллеристамъ, полнѣйшую иниціативу. Хаосъ со снабженіемъ боевыми запасами и прочимъ былъ вначалѣ ужасный. Адріанъ Ивановичъ, цѣлую недѣлю носившійся на своемъ миноносцѣ („Лейтенантъ Бураковъ". Б. Д.) съ батареи на батарею, наконецъ, все наладилъ... Все стало приходить во-время; дома, казематы, крюйтъ-камеры строились, шпіоновъ вылавливали, появились врачи, священники — я не знаю какъ онъ все успѣвалъ сдѣлать. Вѣдь у него было въ подчиненіи 25 морскихъ батарей, строящихся, устанавливающихъ свои орудія, съ пушками разныхъ калибровъ. ТРЕБОВАНІЙ НИКТО НЕ

---

* Инж.-мех. кап. 1 р. Орловъ.

** Ст. лейт. Г. С. Серебренниковъ. Письмо 22 авг. 1955 г.

писалъ. А. И. просто спрашивалъ, что намъ нужно и тотчасъ прислалъ безъ замедленій и безъ ошибокъ."*)

Это на батареяхъ. А въ то же время въ Ревелѣ для базы фронта реквизировались частные склады, организовывались въ нихъ артиллерійскія мастерскія для работъ по установкѣ пушекъ и мелкаго ремонта, и склады запасныхъ частей. Подобно тому, какъ это имѣло мѣсто на Восьмомъ Дивизіонѣ, и въ Службѣ Связи, теперь и на Приморскомъ Фронтѣ устанавливается Непенинымъ независимость его части въ мелкихъ текущихъ нуждахъ отъ портовыхъ учрежденій съ ихъ бумажной волокитой. Какъ хорошій хозяинъ, заботится онъ, чтобы подъ рукой было все, что могло бы потребоваться и въ повседневной и въ боевой службѣ.

Для быстрой доставки строительныхъ матерьяловъ къ мѣстамъ работъ, независимо отъ времени года и зимняго льда, онъ добивается полученія кредитовъ для покупки заграницей готовыхъ ледоколовъ. По его представленію командируется въ Норвегію специальная комиссія въ составѣ капитана 1 р. В. А. Любинскаго и Инж. Службы Связи кап. 2 р. В. П. Орлова для содѣйствія Морскимъ Агентамъ въ Даніи (ст. лейт. Безкровный) и Швеціи(ст. лейт. Келлеръ) въ выборѣ и техническомъ освидѣтельствованіи соотвѣтствующихъ судовъ. Любилъ Непенинъ въ каждомъ касавшемся его хозяйства дѣлѣ имѣть свое собственное „око".

Тѣмъ временемъ самъ онъ съ комиссіей артиллеристовъ флота и строителей фортовъ обходитъ на миноносцѣ Финляндское побережье, осматривая мѣста для батарей на Поркалаудѣ, въ Юссаре и на островахъ у Гангэ. Во все вникаетъ самъ, все высматриваетъ своимъ уже намѣтавшимся на изученіи шхеръ и хозяйственнымъ глазомъ.**)

И, по мѣрѣ поступленія орудій, Приморскій Фронтъ Крѣпости, постепенно расширяясь, далеко выходитъ за ея географическіе предѣлы, образуя, по существу, всю береговую артиллерійскую оборону отъ Рижскаго и Ботническаго заливовъ и до главной позиціи.

***

Война разразилась по крайней мѣрѣ на годъ раньше

---

*) Курсивъ мой. Б. Д.

**) Инж.-Мех. к. 1 р. В. П. Орловъ. Воспоминанія. Письмо автору.

всѣхъ предположеній Русскихъ Генеральныхъ Штабовъ. И, несмотря на всю поразительную энергію Непенина, далеко не всѣ намѣченныя планомъ батареи могли быть своевременно вооружены. На лицо не было 12-ти дюймовыхъ орудій съ башенными установками, изготовлявшихся на русскихъ артиллерійскихъ заводахъ. Самымъ крупнымъ калибромъ наличной артиллеріи были 9½-дюймовыя американскія пушки и 6 дюймовыя Канэ, да еще удалось уже зимою 1913-14 года получить отъ Военнаго Вѣдомства 10-ти дюймовыя архаическаго крѣпостного типа. Изъ орудій средняго калибра морского типа были еще 120 м. м. Имѣлись также и 75 мм пушки съ началомъ войны въ большинствѣ передѣланныя въ зенитныя противуаэропланныя. Бывшій Техническій помощникъ Непенина по Артиллеріи Приморскаго Фронта капитанъ 2-го ранга Н. Н. Александровъ, вступившій въ эту должность весной 1915-го года въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ слѣдующій списокъ, какъ готовыхъ, такъ и строившихся въ то время (1-го мая 1915 г.) батарей.

БАТАРЕИ, КОТОРЫЯ БЫЛИ ГОТОВЫ ЗАБОТАМИ А. И. НЕПЕНИНА.

1. Острова защищающие Гангэ . . 4—9-½ Американскія
2. Малый островъ между Ганге и Макилотто*) 4 — 6" Канэ
3. Макилотто — въ постройкѣ 14" и 8" башни.
4. Наргенъ, Юго-Западъ . . . . .4 — 6" Канэ
„ Въ проэктѣ 14" и 8" башни на сѣверѣ.
5. Суропъ . . . . .4.— 9.½ Американскія
6. Вульфъ . . . . 4 — 6" Канэ
7. Бригитовка . . . . .4 — 120 мм. и 3 — 75 мм. (За калибръ не ручается — потомъ 120 мм. мѣнялись на 6")
8. Карлосъ . . . . 3 — 75 мм. противуаэропл.
9. Вормсъ . . . . .4 — 6" Канэ.
10. Вердеръ . . . . 4 — 6" Канэ
11. Эзель. Сѣверный берегъ у дамбы 4 — 10" Армейск. Археолог*).

КАНУНЪ ВОЙНЫ.

. . .**Авіація.** Лѣто 1914 года началось для авіации въ самыхъ радужныхъ перспективахъ. Строительныя работы на воз-

---

*) **Примѣчаніе.** Осенью 1914 г. Непенинымъ были присланы на Кильконд (о. Эзель), подвергавшійся частымъ воздушнымъ аттакамъ, 75 мм. зенитныя пушки. Б. Д.

душныхъ станцiяхъ подвигались впередъ. Понемногу прибывали подготовлясмые въ Качинской школѣ летчики. Къ осени можно было ожидать возможнымъ развернуть 1-й Воздушный Дивизiонъ на Эзелѣ и усилить учебную дѣятельность въ Либавѣ.

И самымъ знаменительнымъ событiемъ явилось прибытiе въ разобранномъ видѣ изъ Петербурга „Ильи Муромца", для вывода котораго на воду и ввода обратно былъ готовъ солидный спускъ съ механическими приспособленiями. И для наблюденiя за его сборкой, производства испытанiй и обученiю летчиковъ управленiю этимъ первымъ въ мiрѣ четырехмоторнымъ гидроаэропланомъ прiѣхалъ и самъ его конструкторъ И. И. Сикорскiй.

Всѣ мы искренне полюбили этого скромнаго молодого человѣка, за внѣшней застѣнчивостью котораго скрывалась желѣзная воля къ достиженiю поставленной себѣ цѣли — созданiю воздушнаго корабля. И летчики завидовали лейтенанту Г. Лаврову, наблюдавшему на заводѣ за постройкой послѣдняго и теперь готовившемуся вступить въ командованiе имъ.

Д. Н. Александровъ, авантюристическую натуру котораго административная работа не удовлетворяла, а самолюбiе страдало отъ сознанiя своей отсталости въ летномъ дѣлѣ отъ молодежи, узнавъ о предположенiи включить аэропланъ въ составъ Полярной Экспедицiи подъ командой капитана 2-го ранга Б. А. Вилькицкаго, отпросился отпустить его туда. Въ послѣднiй разъ довелось мнѣ видѣть его, когда, въ дни революцiи, я, по должности 1-го Помощника Морского Министра, вручалъ ему на Дворцовой Площади Знаменый Андреевскiй флагъ сформированнаго имъ Морского Ударнаго Батальона, отправлявшагося на фронтъ. Увы, въ дни рокового Iюньскаго наступленiя этотъ беззавѣтно храбрый человѣкъ, идя во главѣ батальона въ атаку на германскiе окопы, палъ отъ огня, открытаго съ тыла обезумѣвшими предателями своей собственной родины.

Должность его занялъ лейт. Б. А. Щербачевъ, пользовавшiйся среди летчиковъ большимъ авторитетомъ и намѣченный мною въ качествѣ моего преемника.

За всей этой горячей работой скоро смягчилось и то горе, которое принесла намъ недавняя гибель первой жертвы

Русской Морской Авіаціи — лейтенанта П. Ваксмута, разбившагося при паденіи въ море.

***

Въ первой половинѣ Іюля къ намъ вторично прибылъ Непенинъ. Былъ онъ прекрасномъ настроеніи, всѣмъ интересовался и особенно уже начавшимъ испытанія „Муромцемъ".

Пользуясь этимъ, я вновь заговорилъ съ нимъ о своемъ возвращеніи на плавающій флотъ, и на этотъ разъ онъ отнесся къ просьбѣ болѣе благосклонно, обѣщавъ, по возвращеніи въ Ревель, переговорить объ этомъ съ Эссеномъ. Но дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

Неожиданно 12-го Іюля (с. с.) оба мы были вызваны Эссеномъ въ Ревель.

Несмотря на немедленный выѣздъ мы на экстренно созванное на „Рюрикѣ" собраніе флагмановъ и капитановъ опоздали. Но Эссенъ немедленно насъ принялъ. Очертивъ политическую обстановку и высказавъ увѣренность, что война неизбежна и можетъ разразиться внезапно, онъ далъ распоряженіе привести Службу Связи на военное положеніе немедленно.

„Либава по мобилизаціи оставляется и защищаться не будетъ", сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Нѣмцы могутъ занять ее въ первые же дни. Поэтому немедленно возвращайтесь туда и переводите авіацію на Эзель. Ангары и техническое оборудованіе станціи приготовить къ разрушенію на случай высадки или наступленія непріятеля. По прибытіи на Эзель установите воздушную развѣдку на параллели Фильзанда освѣщая море миль на тридцать пять. Особенно обратите вниманіе на обнаруженіе подлодокъ. Я обѣщалъ дать вамъ въ командованіе корабль", - добавилъ онъ уже совсѣмъ другимъ, дружественнымъ тономъ, - „но сейчасъ это совершенно невозможно. Всѣ должны оставаться на своихъ мѣстахъ и никакихъ перемѣщеній быть не можетъ. Итакъ, съ Богомъ".

Часа черезъ два на данномъ мнѣ Непенинымъ, въ дополненіе къ стоявшему въ Порту Императора Александра III „Прозорливому", миноносцѣ „Искусный" я уже уходилъ туда, давъ Щербачеву телеграмму немедленно приступить къ упаковкѣ необходимѣйшаго для обслуживанія отправляемаго на Килькондъ Воздушнаго Отряда техническаго имущества станціи.

Такимъ образомъ въ первый же день официально объявленнаго Петербургомъ „подготовительнаго къ войнѣ періода", опредѣлявшагося трехдневнымъ срокомъ, вся подготовка къ эвакуаціи авіаціи, ея имущества и семей служащихъ шла уже полнымъ ходомъ, а въ ночь съ 15-го на 16-е, за сутки до объявленія о мобилизаціи флота, я съ обоими миноносцами, до отказа нагруженными людьми и грузами, вышелъ на Эзель. Предполагалось идти къ Ирбенскому проливу и тамъ выждать пролета аппаратовъ на Кильконтъ, чтобы, въ случаѣ вынужденной посадки кого либо оказать помощь. Но ночью такъ засвѣжело, что явилось опасеніе потерять всё лежащее на палубахъ миноносцевъ имущество, и пришлось идти въ Аренсбургъ.

Изъ пяти вылетѣвшихъ малыхъ аппаратовъ четыре благополучно дошли до Кильконда и одинъ, изъ-за неисправности мотора, спустился въ Виндавѣ, откуда былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Ревель.

Долетѣлъ до Эзеля и еще далеко не закончившій испытанія „Илья Муромецъ", но изъ-за нехватки бензина былъ вынужденъ сѣсть возлѣ Церельскаго маяка и благополучно выбросился на песчаный пляжъ.

Получивъ объ этомъ по прилетѣ на Кильконтъ донесеніе Лаврова, Щербачевъ отвѣтилъ, что вышлетъ газолинъ, какъ только прибудетъ изъ Аренсбурга обозъ, такъ какъ на самой станціи его еще не имѣлось. Тѣмъ временемъ я, разгрузивъ миноносцы, немедленно отправилъ ихъ, согласно полученнымъ мною приказаніямъ, въ Ревель. Грузовики наши, отправленные изъ Либавы сухимъ путемъ, еще не пришли. И единственнымъ способомъ доставить бензинъ на Церель являлась обывательская подвода, на которой онъ и былъ посланъ.

Тѣмъ временемъ Лавровъ, увидя приближающееся къ берегу судно и принявъ его за непріятельское, сгоряча сжегъ Муромца, боясь чтобы онъ не попалъ въ руки нѣмцевъ.

Получивъ мое донесеніе объ этомъ, Эссенъ пришелъ въ ярость. Приказавъ произвести строгое разслѣдованіе онъ въ своемъ приказѣ грозилъ преданіемъ суду „всѣхъ виновныхъ въ уничтоженіи этого ЦѢННАГО ОРУЖІЯ ФЛОТА".

Только твердое заступничество Непенина, доказавшаго, что этотъ „опытный" аппаратъ, оказавшійся, вслѣдствіе его

малой грузоподъемности, ограничивавшей количество топлива, неспособнымъ выполнить даже небольшой перелетъ отъ Либавы до Фильзанда и съ трудомъ забиравшій высоту при этой нагрузкѣ, отнюдь не представлялъ, какъ это казалось Эссену, подлинной боевой цѣнности, привело къ тому, что уже остывшій отъ порыва горячій, но справедливый, Эссенъ приказалъ дѣло прекратить. Было только очень жаль, что изъ за всей этой исторіи наша авіація потеряла прекраснаго молодого офицера, и единственнаго летчика подготовленнаго къ управленію многомоторнымъ аппаратомъ. Попросивъ объ откомандированіи его въ армію въ формировавшійся отрядъ „Витязей", Лавровъ доблестно несъ боевую службу на фронтѣ до самого конца и погибъ тамъ со своимъ аппаратомъ и четырьмя людьми его экипажа въ результатѣ саботажнаго акта, устроеннаго большевиствующими людьми.

Въ концѣ же 1918-го года былъ разстрѣлянъ въ Петроградѣ и его начальникъ генералъ Шидловскій, прозорливости и энергіи котораго Россія была обязана осуществленіемъ смѣлыхъ плановъ Сикорскаго и созданіемъ первой въ мірѣ эскадрильи многомоторныхъ воздушныхъ кораблей.*)

Легко понять какое тяжелое впечатлѣніе произвела печальная исторія съ „Муромцемъ" на весь личный составъ молодой, еще не успѣвшей сложиться по настоящему, авіаціи. Мнѣніемъ Эссена каждый изъ насъ дорожилъ высоко. И его гнѣвъ подѣйствовалъ удручающе.

Съ другой стороны, та горячая защита, которую нашъ прямой начальникъ — Непенинъ — оказалъ одному изъ летчиковъ, положила въ ихъ средѣ начало тому глубокому и искреннему къ нему довѣрію, съ которымъ они впослѣдствіи шли къ нему со всѣми своими личными бѣдами, встрѣчая въ отвѣтъ чисто отеческое отношеніе.

17-го іюля къ вечеру, я съ обозомъ нанятыхъ въ Аренсбургѣ телѣгъ добрался до Кильконда, гдѣ получилъ телеграмму о мобилизаціи и съ разсвѣта 18-го числа мы приступили къ выполненію воздушной развѣдки согласно данныхъ приказаній.

„МОЛНІЯ" — „ОГОНЬ". Въ 8 часовъ утра 17-го іюля,

---

*) И. И. Сикорскій. „Исторія крылатыхъ „С". Автобіографія." Стр. 140 Додд, Мид и Ко. Нью Іоркъ 1958 г. На англійскомъ языкѣ.

вмѣстѣ съ подъемомъ флага на мачтѣ „Рюрика", съ медленной торжественностью поднялся флагъ Командующаго Флотомъ. Съ момента мобилизаціи адмиралъ Н. О. Эссенъ возводился на этотъ высшій командный постъ Балтійскаго Флота.

Служился на крейсерѣ молебенъ. Огромными становились полномочія этого, всю жизнь свою горѣвшаго служеніемъ любимому имъ флоту, человѣка. Но безмѣрна была и отвѣтственность передъ Престоломъ и Россіей возлагавшаяся на его плечи.

Судьбы столицы и тыла упирающагося въ море праваго фланга Русскихъ Армій вручались его ничтожнымъ, передъ лицомъ неизмѣримо превосходныхъ и количественно и технически качественно врага, силамъ.

Единственной возможностью, хотя бы лишь задержать прорывъ Германскаго флота вглубь Финскаго залива впредь до вступленія въ строй первыхъ изъ строящихся линейныхъ кораблей, являлось огромное минное поле Наргенъ-Порка-лаудской позиціи. Защищать его отъ протраленія въ немъ вспомогательными судами противника проходовъ для его большихъ кораблей и было главной задачей какъ морскихъ силъ такъ и батарей Приморскаго Фронта.

Но операція постановки этого загражденія въ нѣсколько тысячъ минъ, при всей тщательности разработки ея плана и подготовкѣ къ его выполненію отряда минныхъ заградителей, требовала, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ погоды, не менѣе шести часовъ.

А что, если непріятель, свѣдѣнія о концентраціи большихъ силъ котораго въ Килѣ уже сообщались Морскимъ Агентомъ въ Даніи, продвинется заранѣе въ сѣверную часть Балтійскаго моря? Вѣдь до Штаба флота даже дошли свѣдѣнія, вызвавшія опасенія о нахожденіи нѣмецкой эскадры на островѣ Готландъ, что, при дружественномъ отношеніи Швеціи къ Германіи, представлялось вполнѣ возможнымъ.

Конечно — задержать даже колоссально превосходныя силы врага въ устьѣ Финскаго залива на нѣсколько часовъ было бы возможно. Но какой цѣной? Многимъ ли кораблямъ, принявшимъ на себя тамъ ударъ, удалось бы отойти послѣ боя за минное загражденіе? Да и тѣ окажутся ли способными вновь вести тамъ бой? А безъ нихъ однѣ наличныя слабыя батареи Приморскаго Фронта, не смогутъ выполнить

задачи и загражденіе окажется прорваннымъ въ очень краткій срокъ.

Печальный опытъ Портъ-Артура стоитъ передъ глазами Эссена.

Но рѣшеніе вопроса о времени постановки загражденія по личному повелѣнію Государя оставлено Имъ за собой. Надежда, что Императоръ Вильгельмъ въ послѣдній моментъ еще одумается и, понявъ, что мобилизація Русскихъ Военныхъ Силъ означаетъ, что на тотъ разъ Россія не отступитъ передъ его угрозой, согласится разрѣшить конфликтъ мирнымъ путемъ — до послѣдней минуты не покидала Императора Николая. И такой актъ, какъ постановка огромнаго загражденія, долженствовавшаго на долгій срокъ прекратить свободу движенія коммерческихъ судовъ въ Финскомъ заливѣ, представлялся ему слишкомъ вызывающимъ.

Драма радіо-телеграммъ — „МОЛНІЯ" и „ОГОНЬ", красочно описанная Черноморомъ (Кап. I р. Люби,*) ярко рисуетъ фигуры трехъ главныхъ ея героевъ: — адмираловъ Эссена и Русина и генерала Янушкевича.

Первый настойчиво требуетъ отъ Русина добиться разрѣшенія ставить загражденіе немедленно. Грозитъ,если не получитъ таковаго до 6-ти часовъ утра 18-го іюля, — сдѣлать это самовольно. Зная чѣмъ это можетъ окончиться для него лично, пылкій Николай Оттовичъ, достойный ученикъ Макаровской школы, смотритъ на дѣло съ чисто военной точки. О себѣ, подобно Великому Основателю Флота, не думаетъ. Какъ и для Петра, для него важно одно — „жила бы Россія."

Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба — Русинъ долго ищетъ легальнаго выхода, сознавая, что Эссенъ слишкомъ нуженъ Россіи и флоту, и его, въ данный моментъ, замѣнить некѣмъ. Онъ тщетно проситъ Морского Министра добиться, чтобы, несмотря на приказаніе Государя не будить его до утра, онъ добился бы немедленнаго у Него доклада. Онъ шлетъ своихъ подчиненныхъ контръ-адмирала Ненюкова, кап. I-го р. Пилкина и Альтфатера къ Командующему Войсками Петербургскаго Военнаго Округа Великому Князю Николаю Николаевичу. Но и тутъ отказъ. Флотъ ему не подчиненъ и, кромѣ того, онъ самъ слышалъ личное при-

---

*) Черноморъ. „Волны Балтики" Рига 1939 г. стр. 25-36

казаніе Государя, а потому вмѣшиваться не можетъ. Тогда Русинъ дѣлаетъ послѣднюю попытку, посылая Пилкина съ Альтфатеромъ къ Начальнику Ген. Штаба Янушкевичу, который, по плану, въ случаѣ войны, становился Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, каковымъ, по предположенію, долженъ былъ быть самъ Государь.

Часы идутъ. Посланные долго не возвращаются. Уже 4 часа утра, а отвѣта Янушкевича все еще нѣтъ. Что дѣлать? Что Эссенъ свою угрозу выполнитъ сомнѣній нѣтъ. Остается одно — пожертвовать самимъ собою. И Русинъ рѣшается. На телеграфномъ бланкѣ пишетъ — „МОЛНІЯ" — слово разрѣшающее начать постановку минъ.

Въ эту минуту вбѣгаютъ запыхавшіеся посланцы. Съ порога кабинета кричатъ: „Янушкевичъ разрѣшилъ."

Русинъ подписываетъ телеграмму именемъ послѣдняго и немедленно ее отправляетъ.

Въ 5 часовъ утра по радіо Командующаго Флотомъ — „ОГОНЬ" — операція постановки миннаго загражденія пошла полнымъ ходомъ: крейсера задерживаютъ всѣ идущіе въ Финскій заливъ пароходы; подводныя лодки выходятъ на позицію въ устье залива; всѣ части флота и порты готовятся къ боевымъ дѣйствіямъ, минные заградители — къ постановкѣ минъ.

И когда въ 6 часовъ 50 минутъ утра эскадра въ составѣ броненоснаго крейсера „Рюрикъ" подъ флагомъ Командующаго Флотомъ и линейныхъ кораблей „Императоръ Павелъ I", „Цесаревичъ" и „Слава" вышла къ Балтійскому Порту — постановка миннаго загражденія началась. А въ 11 часовъ 30 минутъ Эссенъ, легко вздохнувъ всей грудью, донесъ о томъ, что операція постановки загражденія закончена.

Противникъ не появлялся и флотъ спокойно отошелъ за загражденіе Суропскимъ проходомъ, который, вслѣдъ за этимъ былъ также заминированъ.

Конечно, какъ теперь документально выяснено, ни надежды Государя на возможность мирнаго исхода въ послѣдній моментъ, ни опасенія Эссена внезапнаго, безъ объявленія войны, движенія германскаго флота вглубь Финскаго залива не оправдались.

Вопросъ войны со стороны Германіи былъ уже рѣшенъ безповоротно, причемъ Германскій Генеральный Штабъ

строилъ весь планъ войны на рѣшительномъ ударѣ на западномъ фронтѣ, экономя съ этой цѣлью свои силы на востокѣ.

Все же драматизмъ положенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ высшаго командованія Русскихъ Вооруженныхъ Силъ во главѣ съ самимъ ихъ Верховнымъ Вождемъ въ эти минуты былъ такъ грандіозенъ, и благородство дѣйствій каждаго изъ нихъ было такъ высоко, что эта операція постановки миннаго загражденія должна по праву занять видное мѣсто въ исторіи, даже независимо отъ ея дальнѣйшаго стратегическаго значенія въ теченіи всей войны.

ВОЙНА НА ПРИМОРСКОМЪ ФРОНТѢ КРѢПОСТИ.

Около 8 час вечера 19-го іюля Командующій Флотомъ получилъ извѣщеніе объ объявленіи войны Германіей и оповѣстилъ объ этомъ подчиненныя ему части.

Въ тотъ же вечеръ Начальникъ Приморскаго Фронта Крѣпости лично посѣтилъ единственную вполнѣ готовую выдвинутую впередъ 9-½" батарею на островѣ Хеста-Бюсе.

„Непенинъ прибылъ ко мнѣ", разсказываетъ ея командиръ,* „приказалъ собрать команду, сообщилъ намъ объ объявленіи войны и сказалъ нѣсколько словъ, очень краткихъ и очень ясныхъ, смыслъ которыхъ былъ таковъ: — „возможно, что вы получите первый ударъ непріятеля и,такъ какъ вы впереди всей Россіи и совсѣмъ одни, то каждый изъ васъ долженъ сдѣлать все, чтобы нанести наибольшій вредъ врагу". Адріанъ Ивановичъ и потомъ много и часто посѣщалъ его батарею. Ею и порядкомъ на ней онъ всегда былъ доволенъ, но ея командиръ видѣлъ, что что-то его удручало и тревожило. И, вотъ, однажды, онъ сказалъ ему: „Георгій Семеновичъ, война эта и Россіи, и мнѣ, и вамъ принесетъ много грязи, крови и ужасовъ, которыхъ мы сейчасъ и понять не можемъ."

Какъ глубоко отличали эти, увы, пророческія слова, этого вдумчиваго и болѣвшаго своимъ русскимъ сердцемъ за любимую имъ родину человѣка, уже съ первыхъ дней войны провидѣвшаго тѣ глубокія потрясенія, которыя

---

* Ст. лейт. Г. С. Серебренниковъ. Письмо 8/23-55 г.

этотъ міровой катаклизмъ долженъ былъ принести такъ мало подготовленной къ нему Россіи, отъ всѣхъ тѣхъ, кто легкомысленно видѣлъ въ немъ лишь блестящія перспективы выявить свои собственные таланты и доблесть, достичь своихъ политическихъ цѣлей, или, даже, всего на всего, сдѣлать собственную свою карьеру.

Къ веснѣ 1915 года на Приморскій Фронтъ стали поступать заказанныя для Крѣпости морскія орудія большого калибра съ башенными установками.

Для руководства работами по ихъ установкѣ, испытаній и т. п. требовался техническій помощникъ высоко подготовленный теоретически и проявившій уже на практикѣ способность подготовить личный составъ къ дѣйствію ими.

И едва ли можно подыскать болѣе яркій примѣръ искусства Непенина въ выборѣ человѣка, который „красилъ бы мѣсто", чѣмъ его ходатайство о назначеніи такимъ помощникомъ старшаго лейтенанта Н. Н. Александрова, а равно и его настойчивости въ достиженіи своей цѣли.

Окончившій въ 1913 году Михайловскую Артиллерійскую Академію Александровъ, въ должности Старшаго Артиллерійскаго Офицера строившагося лин. кор. „Полтава", проявилъ исключительную энергію въ дѣлѣ вооруженія и подготовки личнаго состава своей части. Командиръ корабля капитанъ 1-го ранга баронъ Гревеницъ счелъ своимъ долгомъ обратить на это вниманіе самого Государя во время смотра готовившемуся вступить въ строй кораблю 8 Октября 1914 года, въ результатѣ чего Александровъ былъ произведенъ Имъ въ чинъ старшаго лейтенанта. А когда, вслѣдъ за этимъ, Александровъ, по вступленіи корабля въ строй, выявилъ къ тому же и свои способности въ дѣлѣ управленія огнемъ по движущейся цѣли, цѣнность его въ глазахъ командира должна была особенно возрасти.

Все же, повидимому, Непенину удалось убѣдить Эссена, что работы по вооруженію Приморскаго Фронта, являвшагося, какъ уже было сказано, всей береговой обороной театра войны, являлись болѣе важными, чѣмъ даже управленіе огнемъ одного, хотя и сильнѣйшаго въ тотъ моментъ, броненосца, и Командующій Флотомъ далъ свое согласіе на это назначеніе.

Однако со стороны барона Гревеница было проявлено своего рода пассивное сопротивленіе этому приказанію. Ви-

димо разсчитывая на свои большія связи черезъ его супругу — Герцогиню Лейхтенбергскую, — онъ всячески задерживалъ выполненіе приказа, оттягивая время и не сообщая о немъ даже самому Александрову, въ надеждѣ, что, подъ давленіемъ свыше, Эссенъ его можетъ отмѣнить.

Между тѣмъ Непенинъ настойчиво требовалъ отъ Штаба Флота скорѣйшей присылки послѣдняго и выходилъ изъ себя.

„Въ началѣ мая", разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александровъ, „Командующій Флотомъ адмиралъ Н. О. Эссенъ вызвалъ меня къ себѣ; онъ ласково посадилъ меня на стулъ и сказалъ НѢЖНО: „Пожалуйста, объясните вашему командиру, что мы васъ избрали на должность Завѣдующаго Артиллеріей Приморскаго Фронта къ Адріану Ивановичу Непенину, такъ какъ тамъ положеніе очень серьезное. Вы тамъ нужны и Я ПРОШУ ВАШЕГО КОМАНДИРА ВАСЪ ОТПУСТИТЬ." Подобная просьба Командующаго Флотомъ для меня, молодого офицера, была неожиданна. Я, вставъ „смирно", сказалъ: „Ваше Высокопревосходительство. Я никакихъ распоряженій не получалъ и Ваше приказаніе передамъ командиру." Отбывъ на л. к. „Полтава" я замѣтилъ поднятый на флагманскомъ кораблѣ сигналъ, который оказался: — „Старшему лейтенанту Александрову немедленно отбыть по назначенію. Миноносецъ будетъ поданъ." Я доложилъ командиру о моемъ разговорѣ съ Командующимъ флотомъ..... судьба моя была рѣшена."

Такой рѣзкій переходъ отъ интимной ПРОСЬБ Командующаго Флотомъ, которую онъ поручалъ молодому офицеру передать его командиру, къ СИГНАЛУ, который разбирался всѣмъ флотомъ, былъ, конечно, вызванъ прежде всего тѣмъ, что его приказъ о переводѣ Александрова былъ скрытъ отъ этого послѣдняго. Это раскрывало карты, которыми намѣревался играть командиръ „Полтавы". Прямодушный Эссенъ, котораго Непенинъ допекалъ своими просьбами о скорѣйшей присылкѣ нужнаго ему офицера, былъ взбѣшенъ закулисной игрой своего подчиненнаго, ставившей его въ такое положеніе. И его сигналъ равнялся публичному выговору командиру, себѣ это позволившему.

Можно думать, что всегда все знавшій Непенинъ, ко времени прибытія Александрова къ нему, въ Ревель, былъ уже не только вполнѣ освѣдомленъ обо всемъ происшедшемъ,

но, возможно, догадывался и о причинахъ, вызывавшихъ задержку его на „Полтавѣ."

На это указываетъ хотя бы разсказъ самого Александрова о первой ихъ встрѣчѣ въ Штабѣ Службы Связи.

„Адріанъ Ивановичъ встрѣтилъ меня, стоя у письменнаго стола. Онъ держался рукой за 6-ти дюймовое ядро на его письменномъ столѣ (мнѣ сказали потомъ, что онъ всегда держится за эту бомбу.... и тѣмъ успокаиваетъ свои нервы). Онъ встрѣтилъ меня грозно, сказавъ: „гдѣ это вы пропадали нѣсколько недѣль?.. Положеніе серьозное. У насъ нѣтъ защиты, нужно ставить батареи. Васъ назначили, а вы не являлись." Я покорно отвѣтилъ: „Я только что получилъ распоряженіе".

„Вы избраны, какъ большой спеціалистъ—академикъ", продолжалъ Непенинъ. „Вамъ и карты въ руки. Вы все знаете: дѣйствуйте какъ полагается и меня не спрашивайте. Указанія я вамъ дамъ". Несмотря на 6-ти дюймовую бомбу и очень рѣзкій начальственный разговоръ, я сразу понялъ, что Адріанъ Ивановичъ настоящій начальникъ — строгій, справедливый и ЧЕЛОВѢКЪ ДѢЛА И ПОСТУПКОВЪ (курсивъ мой Б. Д.), а не бездарный, „какъ прикажете" офицеръ.

Само собой разумѣется, что Непенинъ совсѣмъ иначе встрѣтилъ бы Александрова если бы, хоть на минуту, подумалъ, что тотъ просто гдѣ-то „проволандался", получивъ переводъ во время войны.

„Получивъ свои полномочія", заканчиваетъ этотъ эпизодъ послѣдній, „я поѣхалъ немедленно осматривать батареи на Суропѣ...., на Наргенѣ и Вульфѣ.... Автомобиль и буксиры давались мнѣ безпрепятственно."

Какимъ-то образомъ, вѣроятно по настояніямъ того же Непенина, въ распоряженіе Александрова стали поступать и нужные ему люди его старой команды съ „Полтавы", что въ сильной мѣрѣ способствовало ускоренію работы.

Устанавливались пушки, передѣлывались американскія таблицы и диски орудій на наши кабельтовы. Работы было по горло.

Въ концѣ 1915-го года состоявшій при Комендантѣ Крѣпости штабъ-офицеръ для порученій — капитанъ 2-го ранга Тягинъ, изъ за какого-то конфликта съ адмираломъ Герасимовымъ, покинулъ этотъ постъ и на его мѣсто былъ назна-

ченъ тотъ же Александровъ съ оставленіемъ въ должности Завѣдующаго Технической Частью Приморскаго Фронта.

Вслѣдствіе обостренныхъ взаимоотношеній со своимъ прямымъ начальникомъ, онъ, по его собственному выраженію, оказался „между молотомъ и наковальней". Приходилось дѣлать доклады обоимъ.

„Однако", — говоритъ онъ, — „Адріанъ Ивановичъ былъ ОЧЕНЬ МУДРЫЙ начальникъ и ограничивался лишь шутками и остротами.... Дѣло не страдало. Наргенъ, Вульфъ и Макилотто съ 14-ти дюймовыми въ постройкѣ, а 12-ти и 8-ми дюймовыми съ готовыми башнями синхронизированными на трехфазномъ токѣ по идеѣ Эриксона, росли быстро.

Къ осени 1916 года всѣ батареи фронта ранѣе намѣченныя были готовы. Но нависла новая и серьезная угроза.

Дважды въ 1915 и 1916 годахъ, несмотря на несоизмѣримое превосходство своихъ силъ, поддерживавшихъ траленіе проходовъ въ минномъ загражденіи Ирбенскаго пролива, и занятіе своей арміей его южного побережья, германское командованіе потерпѣло полную неудачу въ попыткахъ форсировать проходъ и овладѣть Рижскимъ заливомъ.

Однако отъ мысли поддержать лѣвый флангъ своей арміи, продвинувшейся до Двины, оно отказаться не могло. И, очевидно, подготовливая вновь эту операцію къ веснѣ, слѣдующаго года, оно приступило, пользуясь замерзаніемъ Ирбена, къ работамъ по углубленію прохода для своихъ подводныхъ лодокъ, а можетъ быть и для большихъ кораблей, подъ его южнымъ берегомъ.

Непенинъ, къ этому времени уже получившій назначеніе Командующимъ Флотомъ, вызвалъ Александрова.

Требовалось установить на полуостровѣ Церель батарею въ четыре 12-ти дюймовыхъ 52 калиберныхъ орудія, увеличивъ ихъ уголъ возвышенія въ такой мѣрѣ, чтобы онѣ могли перекрыть своимъ огнемъ Ирбенъ до занятаго нѣмцами берега.

„Приступите немедленно. Надо сдѣлать срочно. Это очень важно", сказалъ онъ.

„Задача оказалась трудная" говоритъ Александровъ" „такъ какъ на Эзелѣ желѣзной дороги нѣтъ. Нѣмцы на виду; проливъ замерзаетъ и, самое трудное — подать тѣла орудій, ибо ихъ разрѣзать нельзя. Въ одну темную бурную ночь удалось подвезти на баржѣ и плавучимъ краномъ

„сбросить" 4 тѣла орудій и закрыть ихъ вѣтками на плесѣ..... Закипѣла работа подъ землей.... Начали перевозить башенныя части изъ Петрограда... Церель обратился въ „муравейникъ" только безъ обычной кучи. Вся жизнь стала походить на Нью-Іоркскій „сабвей".... Я понималъ, что нѣмцы могутъ ликвидировать всю нашу затѣю.... Но Господь Мудрый помрачилъ помыслы нѣмцевъ и эти „консерваторы мысли" не догадались ликвидировать мощную 12" батарею, которая уже вылѣзала изъ земли."

Въ день Тезоименитства Государя Непенинъ вызвалъ къ телефону Александрова. „Поздравляю васъ съ Царской милостью. Вамъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, безъ мечей и бантовъ — НЕОБЫЧАЙНАЯ НАГРАДА. Его Величество далъ вамъ эту награду впередъ и Онъ увѣренъ, что Церель будетъ готовъ къ 1 марта 1917 года."

До этого момента у Александрова не было ни одного ордена и награда была дѣйствительно необычайной. Случалось, что и мичмана получали тотъ же орденъ съ мечами за боевыя отличія. Но, какъ справедливо подчеркнулъ это Непенинъ, „Владиміръ БЕЗЪ МЕЧЕЙ И БАНТОВЪ, давался не въ очередь лишь за исключительныя заслуги.*

Оказанное по представленію Непенина довѣріе Государя Александровъ оправдалъ въ полной мѣрѣ. Около 1-го марта 1917 года батарея открыла огонь по работавшимъ подъ нѣмецкимъ берегомъ тральщикамъ.

Но, увы, уже некому было тогда оцѣнить эту его заслугу ни съ высоты рухнувшаго Престола Россійскаго ни даже отъ лица того, кто выбралъ его своимъ помощникомъ по созданію Приморскаго Фронта Крѣпости Императора Петра Великаго, и, самъ черезъ нѣсколько дней послѣ перваго боевого салюта по врагу новой батареи палъ жертвой предательски выпущенной въ спину пули.

Судьба сохранила жизнь выполнителя этихъ предначертаній и плановъ Непенина съ благодарной памятью о своемъ начальникѣ такъ говоритъ онъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Я изложилъ это, чтобы охарактеризовать незабвеннаго

---

* Въ мирное время имъ былъ награжденъ лейт. Длусскій за изобрѣтеніе прибора для обученія управленію артиллерійскимъ огнемъ съ кораблей.

Адріана Ивановича, какъ великаго начальника, которой хотя и былъ строгъ и требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ исполненія долга, но былъ милостивъ и каждый офицеръ и матросъ были у него на сердцѣ. За Богомъ молитва, а за нимъ служба никогда не пропадали. Онъ любилъ каждаго подчиненнаго, которому можно было вѣрить; онъ заботился о своихъ подчиненныхъ; онъ понималъ ихъ; онъ оцѣнивалъ каждаго по заслугамъ. Я свидѣтельствую эти факты потому, что мнѣ приходилось присутствовать на многихъ совѣщаніяхъ съ нимъ. Во всѣхъ его указаніяхъ былъ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ, и онъ всегда говорилъ: „вы это дѣло знаете, вамъ и книги въ руки."

Такими словами можетъ говорить только дѣйствительная любовь и уваженіе къ своему начальнику — другу, каковымъ Непенинъ былъ для каждаго подчиненнаго, его понимавшаго и не злоупотреблявшаго предоставлявшейся ему свободой дѣйствій въ предѣлахъ данныхъ полномочій и инструкцій.

Нагляднымъ результатомъ произведенныхъ въ теченіи менѣе чѣмъ двухъ лѣтъ (съ Мая 1915 г. по Мартъ 1917 г.) работъ по вооруженію Приморскаго Фронта является слѣдующая таблица батарей построенныхъ въ этотъ срокъ при тяжелыхъ условіяхъ войны и климата въ дополненіе къ одинадцати перечисленнымъ раньше.* Эти сухія цифры говорятъ громче всякихъ словъ.

12. Бухта около Пакерорта	4-130 мм. новыя
13. О. Даго — сѣверный мысъ	4-12 мм.-52 кал. отдѣльныя башни
14. „ „	3 батареи по 3-75 мм. противуаэропл.
15. Церель — южный мысъ	4-12 мм.-52 кал. отдѣльн. башни
16. „ „	3 батареи по 3-75 мм. противуаэр.
17. „ ?	4-130 мм. новыя
18. „ ?	4-130 мм. новыя
19. Аренсбургъ	3-75 мм. противуаэропл.
20. Бухта Тагалахтъ	4-6 мм. Канэ
21. База-Рогокюль	4-120 мм (или 6 мм. ?)
22. „ „	3-75 мм. противуаэропл.

*) По воспоминаніямъ кап. 2 р. Александрова. Вопросительные знаки въ столбцѣ пунктовъ батарей имъ не указанныхъ поставлены мною, а въ столбцѣ калибра (№№ 21 и 23) согласно его списку. Б. Д.

23. Балтійскій Портъ 4-120 мм. (или 6 мм.?)
24. Наргенъ, западъ 4-12 мм.-52 кал. армейск. первоклассн.
25. „ ? 4-8 мм.-50 кал. автом. Файр-Дайрект контр. Эриксона
26. „ ? 14 мм башни въ постройкѣ
27. Вульфъ 4-12 мм.-52 кал. арм. первокл.
28. Макилото 4-8 мм. автом. Файр-Дайр. контр. Эриксона
29. „ 14 мм. башни въ постройкѣ

Продолженіе слѣдуетъ.

ПРИМѢЧАНІЕ: Считаю своимъ долгомъ исправить слѣдующія ошибки допущенныя мною въ текстѣ помѣщенномъ въ книгѣ 49-й „Морскихъ Записокъ:

1. На стр. 38-й (строка 21): — въ то время Карцева уже смѣнилъ на посту Морского Агента В. И. Дмитріевъ, оказавшійся въ данный моментъ, по дѣламъ службы, въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего мы съ нимъ въ Парижѣ не встрѣтились и это привело къ ошибкѣ въ моей памяти.

2. На стр. 48-й (строка 2): — невѣрны чинъ и правописаніе фамиліи отца супругъ Романова и Рыбкина. Слѣдуетъ читать: кап. 1-го ранга Каневскаго (вмѣсто Коневскаго), въ каковомъ чинѣ онъ вышелъ въ отставку, и

3. На той же страницѣ (строка 17) невѣрно данъ чинъ А. М. Романова, который уже на Пасху 1914 года былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

Б. Дудоровъ

Стар. лейт. К. фонъ Нотбекъ.

СОВѢТО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ 1941-1945

Продолженіе.

Положеніе Ленинграда стало къ этому времени критическимъ. Населеніе его стало испытывать большія лишенія отъ недостатка продовольствія и топлива, гарнизонъ его былъ слабъ, влитыя въ его составъ подкрѣпленія въ видѣ привезенныхъ изъ Ревеля и Гангэ потрепанныхъ дивизій приносили мало пользы, такъ какъ мораль и дисциплина этихъ частей, послѣ понесенныхъ пораженій,была очень невысока. Для усиленія Ленинграда изъ Кронштадта были посланы въ окопы команды военныхъ судовъ, въ томъ числѣ даже незамѣнимые специалисты подводнаго плаванія. Многочисленные перебѣжчики сообщали нѣмцамъ о всѣхъ затрудненіяхъ и о настроеніи гражданскаго населенія, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго занятія города германскими войсками. Но порывъ нѣмцевъ изсякъ, войска ихъ подъ Ленинградомъ были слишкомъ слабы для какихъ-либо серьезныхъ дѣйствій противъ этого города, обѣщенныя подкрѣпленія не появились, такъ-какъ были нужны на другихъ фронтахъ; нѣмцы были даже слишкомъ слабы для того, чтобы ликвидировать Ораніенбаумскій мѣшокъ, въ которомъ застряла 8-ая совѣтская армія, и ограничились тѣмъ, что, поставили противъ него заслонъ. Такъ эта совѣтская армія и простояла до 1944 года, нависая надъ лѣвымъ флангомъ германскихъ армій и представляя собой настоящую угрозу тыловымъ сообщеніямъ ленинградскаго фронта. Къ счастью для нѣмцевъ эта армія, до начала общаго наступленія совѣтскихъ армій въ 1944 году, держалась совершенно пассивно

и никакихъ попытокъ къ прорыву германскаго заслона не предпринимала.

За первые шесть мѣсяцевъ войны на совѣтскихъ минахъ въ Балтійскомъ морѣ и его заливахъ погибли 18 германскихъ военныхъ судовъ, 3 финскихъ военныхъ судна и 10 коммерческихъ судовъ. Въ это число включены всѣ упомянутыя выше отдѣльные случаи гибели отъ минъ германскихъ и финскихъ военныхъ судовъ.

Сплошной покровъ льда восточной части Финскаго залива давалъ возможность германскому и финскому командованію одними сухопутными войсками отвоевать у совѣтовъ занятые ими острова. По личному приказанію Гитлера отъ 6 февраля 1942 года, командованіе 18-ой германской арміей подготовило особый отрядъ изъ частей 5-ой горной дивизіи, для занятія островов. Но войска эти прибыли съ сильнымъ запозданіемъ, и 24 марта были брошены къ Погостью, гдѣ обозначался совѣтскій прорывъ.

Разочаровавшись въ германской поддержкѣ, финны рѣшили занять острова своими силами. Какъ извѣстно, совѣтскій гарнизонъ Гогланда былъ эвакуированъ съ этого острова въ началѣ декабря 1941 года. Въ началѣ января 1942 г., однако, совѣты снова заняли Гогландъ и оставили на немъ гарнизонъ въ 600 человѣкъ съ нѣсколькими орудіями. Въ ночь съ 26 на 27 марта три батальона финскихъ лыжниковъ въ сопровожденіи саннаго обоза съ легкой артиллеріей, направились по льду отъ Котки къ Гогланду. Въ упорныхъ бояхъ защитники острова были оттѣснены къ южному маяку. Днемъ 27 марта надъ островомъ произошелъ воздушный бой, во время котораго погибло 27 совѣтскихъ и 7 финскихъ аэроплановъ. 28 марта остатки совѣтскаго гарнизона капитулировали.

Отъ 30 марта до 3 апрѣля шли бои за островъ Большой Тютерсъ. Къ вечеру 3 апрѣля островъ былъ занятъ финнами и подошедшими съ южнаго берега германскими частями. Сильныя контръ-атаки совѣтовъ 7 и 8 апрѣля были отбиты. Острова Сескаръ и Лавансаари не были заняты и остались въ рукахъ совѣтовъ. Отказъ отъ занятія этихъ островов былъ роковой ошибкой германскаго и финскаго главнаго командованія. Владѣніе названными островами нѣмцами и финами еще больше закупорило бы совѣтскія морскія силы въ восточномъ углу Финскаго залива и лишила

бы ихъ послѣдней возможности сколько-нибудь свободнаго передвиженія. Сильно укрѣпленному совѣтами острову Лавансаари суждено было играть значительную роль въ ходѣ боевыхъ дѣйствій послѣдующихъ лѣтъ войны.

Занятіемъ острововъ Гогландъ и Большой Тютерсъ заканчивается первый періодъ войны на Балтійскомъ морѣ — періодъ наступленія германскихъ и финскихъ вооруженныхъ силъ.

ЧАСТЬ II.

В. 2-ой ПЕРІОДЪ. ОСТАНОВКА ГЕРМАНСКАГО НАСТУПЛЕНІЯ И ПОСТЕПЕННЫЙ ПЕРЕХОДЪ ИНИЦІАТИВЫ ВЪ РУКИ СОВѢТОВЪ.

Чрезвычайно суровая зима 1941-42 года сковала Финскій заливъ сплошнымъ покровомъ льда, пріостановившимъ всякое движеніе судовъ, и только къ 10 мая 1942 г. ледъ настолько разошелся, что возобновленіе навигаціи стало опять возможнымъ. Германская воздушная развѣдка 2 мая установила въ Кронштадтѣ и Ленинградѣ присутствіе 57 подводныхъ лодокъ, что доказывало, что совѣты за зиму, несмотря на всѣ трудности, успѣли достроить цѣлый рядъ новыхъ лодокъ и этимъ возмѣстить тяжелыя потери своего подводнаго флота въ кампанію 1941 года.

Тѣмъ не менѣе, германское командованіе, ссылаясь на полную неудачу проведенной совѣтскими подв. лодками въ 1941 году кампаніи, не придавало особаго значенія полученнымъ отъ воздушной развѣдки свѣдѣніямъ и весьма низко оцѣнивало опасность присутствія совѣтскихъ подв. лодокъ. На общемъ съ финскимъ главнымъ командованіемъ совѣщаніи 12 марта въ Гельсингфорсѣ нѣмцы отстаивали эту свою точку зрѣнія и предлагали для защиты отъ прорыва совѣтскихъ подв. лодокъ ограничаться постановкой нѣсколькихъ минныхъ загражденій и охраной этихъ загражденій небольшими группами истребителей подв. лодокъ и сторожевыхъ судовъ. Финны считали эту точку зрѣнія слишкомъ легкомысленной и предлагаемыя мѣры недостаточными и требовали постановки сплошного сѣтьевого загражденія черезъ весь Финскій заливъ отъ Поркалаудда до Наргена. Но такихъ сѣтей ни въ Германіи, ни въ Финляндіи весной

1942 года не оказалось, и финнамъ, волей-неволей, пришлось согласиться съ предлагаемыми нѣмцами мѣрами.

10 мая начались постановки минныхъ загражденій согласно принятому на совѣщаніи 12 марта плану. Всего весной и лѣтомъ 1942 года были поставлены слѣдующія загражденія:

1. Между Поркала-Уддомъ и Нагеномъ — 1,915 минъ,
2. Къ SO отъ южной оконечности Гогланда — 5,779 минъ и 1, 450 „рыбокъ".
3. Къ NO отъ Гогланда — 1,326 минъ и 221 „рыбки"

и рядъ мелкихъ загражденій, всего 12,873 мины. Минныя загражденія №№ 1 и 2 должны были охраняться германскими, № 3 — финскими сторожевыми судами. Минныя же загражденія у Юминда и въ Нарвской бухтѣ постепенно вытраливались нѣмцами въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, такъ какъ являлись теперь помѣхой для движенія собственныхъ судовъ. При этомъ нѣмцы крайне удивились тому обстоятельству, что безслѣдно исчезли всѣ мелко поставленныя мины и „рыбки" — были ли онѣ вытралены совѣтами или уничтожены льдомъ, такъ и осталось невыясненнымъ.

Съ середины мая германская и финская воздушная развѣдка стала замѣчать усиленное движеніе совѣтскихъ подв. лодокъ между Кронштадтомъ и Лавансаари. Наблюдалось до 25 подв. лодокъ, выходившихъ туда для испытанія механизмовъ и обученія личнаго состава. Всѣ свои надежды совѣты въ 1942 году возлагали на подводную войну: дѣйствіями подв. лодокъ они надѣялись помѣшать подвозу подкрѣпленій и припасовъ въ Финляндію и балтійскія страны и этимъ нѣсколько облегчить положеніе своихъ армій на финскомъ и ленинградскомъ фронтахъ. Тактика прорыва совѣтскихъ подв. лодокъ черезъ минныя загражденія состояла въ слѣдующемъ: изъ Кронштадта до Лавансаари каждая отдѣльная лодка конвоировалась сторожевыми судами; у Лавансаари лодки получали послѣднюю информацію о наиболѣе безопасныхъ путяхъ прорыва, объ обнаруженныхъ воздушной развѣдкой въ морѣ непріятельскихъ судахъ и т. д.; черезъ минныя загражденія лодки должны были проходить по возможности ближе къ берегамъ или въ глубокихъ мѣстахъ надъ самымъ дномъ моря; въ морѣ разрѣшалось топить всѣ встрѣчныя суда, независимо отъ ихъ національности, за исключеніемъ шведскихъ, не заходить, по

возможности, въ шведскія территоріальныя воды, но преслѣдовать и топить германскія и финскія суда даже въ 3-хмильной полосѣ шведскихъ територіальныхъ водъ; во время прорыва совѣтскихъ подв. лодокъ черезъ минныя загражденія совѣтская авіація должна была атаковывать германскія и финскія сторожевыя суда съ цѣлью отвлеченія ихъ вниманія отъ подв. лодокъ.

Первыя совѣтскія подв. лодки прорвались черезъ минныя загражденія къ SO отъ Гогланда въ ночь съ 13 на 14 іюня. Послѣ прорыва весь день 14-го онѣ пролежали на днѣ, ночью 14-15 іюня поднялись на поверхность для зарядки аккумуляторовъ и 16 іюня прорвались черезъ загражденія Прокалауддъ-Наргенъ. Попытки 8 германскихъ истребителей подв. лодокъ и 7 сторожевыхъ судовъ обнаружить и уничтожить прорвавшіяся лодки не увѣнчались успѣхомъ.

Изъ 7 попытавшихся прорваться совѣтскихъ подв. лодокъ 3 успѣшно прорвались въ Балтійское море, 1 погибла на минахъ, 3 съ легкими поврежденіями вернулись въ Кронштадтъ. Одна изъ прорвавшихся подв. лодокъ — бывшая эстонская лодка „Lembit" — поставила нѣсколько минъ у входа въ Ревельскую бухту, другая — „Щ-320" прошла къ шведскимъ берегамъ и потопила тамъ 3 парохода, третья — „Щ-304" въ западной части Финскаго залива атаковала безуспѣшно германскій минный заградитель „Kaiser" и тральщикъ „MRS—12"; такъ какъ при каждомъ минномъ выстрѣлѣ рубка этой лодки выходила изъ воды, то атакуемыя ею суда получали возможность заблаговременно ее обнаружить и уклониться отъ выпущенныхъ торпедъ. Но появленіе всего трехъ подв. лодокъ въ Балтійскомъ морѣ уже послужило нѣкоторой помѣхой свободному передвиженію судовъ противника — всѣмъ германскимъ и финскимъ торговымъ судамъ было предписано пользоваться фарватерами въ шведскихъ территоріальныхъ водахъ и вдоль Эзеля и Даго, гдѣ протраленный путь охранялся сторожевыми судами и истребителями подв. лодокъ.

Въ ночь съ 23 на 24 іюня вторая группа совѣтскихъ подв. лодокъ — „Щ-303", „Щ-317", „Щ-406" — прорвались черезъ минныя загражденія. „Щ-303" должна была замѣнить „Щ-304" на ея позиціи въ западной части Финскаго залива, но наскочила на камень къ востоку отъ Утэ, повредила себѣ носовые минные аппараты и принуждена была прежде-

временно вернуться въ Кронштадтъ. „Щ-317" и Щ-406" прошли къ шведскимъ берегамъ и потопили тамъ 4 парохода.

1 іюля состоялся третій прорывъ совѣтскихъ подв. лодокъ. На этотъ разъ прорвалась только одна лодка „С-7". Она оперировала довольно успѣшно въ водахъ между шведскимъ и латвійскимъ берегомъ, потопила 3 и повредила 1 пароходъ, и 12 августа благополучно вернулась въ Кронштадтъ, гдѣ ея командиръ былъ произведенъ въ „герои совѣтскаго союза".

Въ серединѣ іюля первыя подв. лодки стали возвращаться изъ Балтійскаго моря обратно въ Кронштадтъ. При этомъ одна лодка впервые у Утэ атаковала охраняемый военными судами германскій конвой и подорвала 1 пароходъ. 6-го и 15-го августа сильныя соединенія совѣтскихъ бомбовозовъ атаковали германскія сторожевыя суда къ западу отъ загражденія у южной оконечности Гогланда. Одновременно совѣтскіе тральщики начали очищать проходъ черезъ минное загражденіе. По этому проходу благополучно были проведены возвращавшіеся изъ Балтійскаго моря подв. лодки „Щ-406" и „С-7". Преслѣдовавшій подв. лодку „Щ-406" германскій истребитель подводныхъ лодокъ „VJ-1211" взорвался на совѣтской минѣ у Большого Тютерса и погибъ.

Въ серединѣ августа прорвалась черезъ минныя загражденія четвертая группа совѣтскихъ подв. лодокъ — „Щ-320" благополучно прошла въ Балтійское море, опять оперировала у шведскихъ береговъ и потопила тамъ 1 пароходъ;

Не повезло пятой группѣ совѣтскихъ подв. лодокъ, прорывавшихся черезъ минныя загражденія у Гогланда: „Щ-304", изъ-за поврежденія дизеля, должна была уже у Лавансаари повернуть обратно въ Кронштадтъ; „М-97" погибла на минѣ у Гогланда, а „Щ-405" взорвалась и погибла на совѣтской минѣ у Сомерса.

Въ концѣ августа черезъ загражденія прорвалась шестая группа совѣтскихъ подв. лодокъ. Для отвлеченія вниманія отъ подв. лодокъ на этотъ разъ германскія сторожевыя суда были атакованы совѣтскими торпедными катерами, причемъ ими былъ потопленъ германскій истребитель подв. лодокъ „UJ-1266". На этотъ разъ прорвались 4 лодки — „Щ-306", „Щ-407", „С-9" и еще одна, номеръ которой остался неизвѣстнымъ. „С-9" прошла въ Ботническій заливъ, „Щ-306" и „Щ-407" оперировали у Оландскихъ острововъ. 31 августа

германскому тральщику „М-37" удалось потопить гидростатическими бомбами подв. лодку „Щ-306 у Симпнесклубба. Лодка „С-9" въ началѣ сентября потопила 3 парохода въ Ботническомъ заливѣ. „Щ-407" потопила германскій транспортъ съ войсками, но изъ находившихся на его борту солдатъ погибло только 6 человѣкъ, а 986 были спасены конвоирующими судами. На обратномъ пути „Щ-407" подорвалась на минѣ у Наргена и 20 сентября вторично у Гогланда, но благополучно добралась до Кронштадта. Четвертая лодка потопила 1 пароходъ въ Ботническомъ заливѣ.

Седьмая группа совѣтскихъ подв. лодокъ — „Щ-310" и „Щ-406" прорвалась через минныя загражденія въ первые дни сентября. „Щ-310" потопила въ средней части Балтійскаго моря германскій грузовой пароходъ, а „Щ-406" въ Ботническомъ заливѣ финское моторное судно и тамъ же повредила одинъ пароходъ.

Ввиду все усиливающагося давленія совѣтскихъ подводныхъ лодокъ на морскія сообщенія и остраго недостатка въ пригодныхъ для борьбы съ подв. лодками военныхъ судахъ малаго водоизмѣщенія, финское командованіе рѣшило использовать для этой борьбы свои подв. лодки, снабдивъ ихъ сильными микрофонами и гидростатическими бомбами. Мѣра эта оказалась весьма удачной и привела къ цѣлому ряду успѣховъ.

Въ началѣ октября очередная, восьмая, группа изъ 5-ти совѣтскихъ подводныхъ лодокъ прорвалась черезъ загражденія. При этомъ „Щ-302" взорвалась на минѣ и погибла у Гогланда, а „Щ-311" была потоплена финскими сторожевыми судами. Все же, тремъ лодкамъ, въ томъ числѣ „С-7", опять удался прорывъ въ Балтійское море. Лодка „С-7" всплыла на поверхность около Седерамъ 21 октября и направилась ко входу въ Ботническій заливъ. Командиръ ея не подозрѣвалъ, что за ней уже часами съ помощью микрофоновъ слѣдитъ финская подв. лодка „Vesihiisi". Въ 7:45 вечера финны напали на „С-7" и потопили ее торпедой. Командиръ „С-7", кап. 2 р. Лицынъ, и 3 человѣка команды были спасены финнами и взяты въ плѣнъ. Остальныя 2 лодки этой группы дѣйствовали довольно удачно въ средней части Балтійскаго моря и потопили тамъ 4 парохода и повредили 2.

Въ ночь на 20 октября крупныя соединенія совѣтской авіаціи атаковали германскія сторожевыя суда у Гогланда;

одновременно черезъ загражденія прорывались подв. лодки „Щ-304" и „Щ-320" и благополучно добрались до Балтійскаго моря. „Щ-304" потопила финскій пароходъ вблизи Оландскихъ островов, но въ ночь на 27 октября сама была потоплена артиллерійскимъ огнемъ и торпедой финской подв. лодки „Iku-Turso". „Щ-320" была потоплена 5 ноября у Утэ финской подв. лодкой „Vetehinen" таранным ударомъ послѣ упорнаго боя на самой близкой дистанціи, во время котораго были пущены въ дѣйствіе торпеды, артиллерія, пулеметы и даже ручное оружіе! Дѣйствія финскихъ подв. лодокъ, не имѣвшихъ, помимо микгофоновъ, никакого спеціальнаго оружія для борьбы съ подв. лодками, съ личнымъ составомъ, совершенно не обученнымъ этому дѣлу, и лишь благодаря отличному маневрированію и смѣлости ихъ командировъ, приведшія къ крупнымъ успѣхамъ, заслуживаютъ самаго большого вниманія.

Десятая группа совѣтскихъ подлодокъ прорвалась въ Балтійское море въ серединѣ ноября. Одна изъ лодокъ этой группы 17 ноября атаковала въ средней части Балтійскаго моря охраняемый военными судами германскій конвой и потопила большой тронспортъ изъ его состава. Въ эти же дни, во время сильнаго шторма, въ устьѣ Финскаго залива перевернулись на волнѣ и погибли 2 германскихъ истребителя подв. лодокъ.

Послѣдняя, одинадцатая, группа совѣтскихъ подв. лодокъ появилась въ Балтійскомъ морѣ въ началѣ декабря и потопила въ средней части его 4 парохода. Въ серединѣ декабря изъ-за появленія льда въ восточной части Финскаго залива выходъ подв. лодокъ прекратился.

Всего за кампанію 1942 года совѣтскими подв. лодками были потоплены 27 германскихъ, финскихъ и нейтральныхъ торговыхъ судовъ, изъ которыхъ 20 были потоплены торпедами, 3 — артиллерійскимъ огнемъ и 4 — минами. Погибшій на этотъ судахъ грузъ составлялъ только 1 % всѣхъ перевезенныхъ въ кампанію 1942 г. по Балтійскому морю грузовъ — потеря ничтожная, никакимъ образомъ не повліявшая на ходъ военныхъ дѣйствій. Гораздо болѣе чувствительна была потеря самихъ судовъ, незамѣнимыхъ во время войны. Изъ прорвавшихся въ Балтійское море совѣтскихъ подв. лодокъ 5 утопили по 4 парохода, остальныя 1-2. Совѣты потеряли за эти кампанію 10 подв. лодокъ. Команди-

ры совѣтскихъ подв. лодокъ, проявлявшіе совершенно исключительную храбрость и упорство при прорывѣ черезъ непріятельскія минныя загражденія и цѣпи сторожевыхъ судовъ, вырвавшись на просторъ открытаго моря, дѣйствовали не особенно успѣшно — видимо, ихъ тактическая и техническая подготовка не была на высотѣ.

Изъ воевыхъ дѣйствій, не связанныхъ непосредственно съ подводной войной, заслуживаютъ вниманія: нападеніе совѣтовъ на о-въ Сомерсъ, неудавшаяся попытка нѣмцевъ уничтожить маякъ Шепелевъ и атака финскихъ торпедныхъ катеровъ у Лавансаари.

Находившійся въ финскихъ рукахъ о-въ Сомерсъ представлялъ собой удобный пунктъ для наблюденія за движеніями совѣтскихъ подв лодокъ и надводныхъ судовъ. Очевидно съ цѣлью захвата этого наблюдательнаго пункта совѣты, 7 іюля, послѣ воздушной бомбардировки острова, высадили на Сомерсъ десантъ. Десантъ этотъ въ началѣ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ и занялъ одно укрѣпленіе, но финны быстро спохватились и выслали къ о-ву Сомерсъ 3 канонерскія лодки и 5 сторожевыхъ судовъ съ подкрѣпленіями для гарнизона острова. Бои, въ которыхъ съ финской стороны участвовали кромѣ вышеупомянутыхъ судовъ еще и подошедшіе на второй день къ мѣсту боя 2 минныхъ заградителя и нѣсколько германскихъ судовъ, а съ совѣтской — одна вспомогательная канонерская лодка типа „Москва", 2 миноносца типа „Гроза", нѣсколько тральщиковъ, торпедныхъ катеровъ и сторожевыхъ судовъ, продолжались съ большимъ упорствомъ 4 дня. Въ бояхъ принимали участіе и авіація обѣихъ сторонъ и совѣтскія батареи на о-вѣ Лавансаари. Только къ вечеру 11 іюля совѣтская атака была окончательно отбита и остатки десанта — 149 человѣкъ — взяты въ плѣнъ финнами. Совѣты потеряли потопленные финнами вспомогательную канонерскую лодку „Кама" (вооруженный 2-130 мм. пушками грузовой пароходъ), 2 сторожевыхъ судна и 4 торпедныхъ катера и 300 человѣкъ убитыми во время десанта. Совѣтской авіаціей и артиллерійскимъ огнемъ совѣтскихъ судовъ были повреждены финскія канонерскія лодки „Ameenmaa" и „Turunmaa", германскій тральщикъ „М-18" и нѣсколько мелкихъ судовъ; потери финновъ въ личномъ составѣ — 21 убитый и 63 раненыхъ.

Въ ночь съ 28 на 29 сентября, подъ прикрытіемъ фин-

скихъ торпедныхъ катеровъ, нѣмцы высадили подъ командой лейтенанта Грантъ отрядъ изъ совѣтскихъ перебѣжчиковъ, спеціально обученныхъ диверсіямъ въ тылу непріятеля, у Шепелева съ цѣлью разрушенія этого маяка. Попытка эта окончилась полной неудачей: часть перегруженныхъ людьми моторныхъ лодокъ опрокинулась, совѣты открыли сильный огонь по остальнымъ лодкамъ и прикрывавшимъ десантную операцію судамъ; десанту такъ и не удалось добраться до берега; потерпѣвъ значительный уронъ, остатки его были возвращены на суда и вся операція отмѣнена.

Вечеромъ 12 ноября 3 финскихъ торпедныхъ катера ворвались въ гавань о-ва Лавенсаари и 4-мя торпедами потопили стоявшую у стѣнки бронированную канонерскую лодку „Красное Знамя" (бывш. „Храбрый"). Батареи острова открыли огонь только тогда, когда отходившіе торпедные катера находились уже далеко отъ гавани. „Красное Знамя" впослѣдствіи было поднято совѣтами, отбуксировано въ Ленинградъ и совершенно перестроено: снятъ таранъ, поставлена мачта-тренога, поставлены нефтяные котлы и новое вооруженіе — 5-130 мм. пушекъ въ 55 калибровъ длины, всѣ въ діаметральной плоскости. Въ такомъ видѣ спущенный еще въ 1895 году корабль существуетъ еще и сейчасъ въ совѣтскомъ флотѣ.

За кампанію 1942 года на минахъ, поставленныхъ совѣтскими подв. лодками и аэропланами, погибли 3 германскихъ истребителя подв. лодокъ, 1 тральщикъ и 7 торговыхъ судовъ.

Кампанія 1942 г. явилась разочарованіемъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Подводная война, на которую совѣты возлагали всѣ свои надежды и которую они проводили съ такой энергіей, не дала никакихъ ощутительныхъ результатовъ. Съ другой стороны, нѣмцы воочію убѣдились, что вся ихъ система защиты противъ подв. лодокъ оказалась недѣйствительной. Одинъ только финскй флотъ могъ быть доволенъ кампаніей 1942 года: потопленіе 4-хъ совѣтскихъ подв. лодокъ, отраженіе совѣтскаго нападенія на о-въ Сомерсъ и лихая атака торпедныхъ катеровъ въ самой гавани укрѣпленнаго острова Лавансаари были крупными успѣхами для маленькаго финскаго флота.

Кампанія 1942 года съ неопровержимой ясностью показала, что инціатива боевыхъ дѣйствій на Балтійскомъ мо-

рѣ была вырвана изъ рукъ нѣмцевъ и окончательно перешла въ руки совѣтовъ.

КАМПАНІЯ 1943 года.

Появленіе льда въ восточной части Финскаго залива, какъ и въ предыдущіе годы, прекратило выходы въ море совѣтскихъ военныхъ судовъ и, вмѣстѣ съ этимъ, всякую боевую дѣятельность въ водахъ Балтійскаго моря и его заливовъ. Пользуясь затишьемъ, обѣ воюющія стороны дѣятельно принялись за подготовку своихъ силъ къ предстоящей лѣтней кампаніи. Совѣты рѣшили и въ кампанію 1943 года дѣйствовать, преимущественно, подв. лодками и за зиму отремонтировали всѣ поврежденныя лодки, снабдили ихъ особыми деревянными отводами для отталкиванія въ сторону минреповъ непріятельскихъ минъ и толстымъ слоемъ окраски спеціальнаго состава, дѣлавшаго корпусъ лодокъ намагниченнымъ и защищавшаго лодки отъ магнитныхъ минъ. На лодкахъ типа „Щ" были увеличены запасы горючаго съ такимъ росчетомъ, чтобы лодки эти могли находиться въ морѣ не 20 сутокъ какъ прежде, а 90 сутокъ. Въ составъ совѣтскаго Балтійскаго флота вступилъ также цѣлый рядъ достроенныхъ за зиму въ Ленинградѣ тральщиковъ, торпедныхъ катеровъ и сторожевыхъ судовъ. Но, въ особенности, усилилась совѣтская морская авіація, какъ самолетами собственнаго производства, такъ и американской и англійской постройки.

Финны, съ своей стороны, прибавили къ составу своего флота 6 построенныхъ въ Финляндіи и 9 купленныхъ въ Италіи торпедныхъ катеровъ, 2 минныхъ заградителя и нѣсколько тральщиковъ изъ перестроенныхъ коммерческихъ судовъ.

Нѣмцы, для увеличенія своихъ легкихъ морскихъ силъ въ восточной части Балтійскаго моря, перевезли туда изъ Норвегіи 3-ю флотилію тральщиковъ и рѣшили герметически закупорить выходъ изъ Финскаго мзалива двойнымъ сѣтьевнымъ и рядомъ минныхъ загражденій. Изготовленіе болѣе 60 морскихъ миль тяжелой стальной сѣти въ 60 метровъ глубины было связано съ большими трудностями изъ-за недостатка сырья въ Германіи и перегруженности германскихъ заводовъ другими военными заказами. Все же, къ

началу апрѣля 1943 года всѣ части сѣтьевого загражденія были готовы и доставлены въ Ревель. Весь апрѣль мѣсяцъ 141 судно занималось установкой сѣтьевого загражденія двумя линіями на протяженіи 30 съ лишнимъ морскихъ миль между Наргеномъ и Поркалауддомъ. Въ промежуткѣ между линіями сѣтей, къ западу и, въ особенности, къ востоку отъ нихъ были поставлены минныя загражденія, а сама сѣть снабжена большимъ количествомъ подрывныхъ патроновъ — всего 9834 мины и 11244 подрывныхъ патрона! Все загражденіе должно было охраняться сильными отрядами истребителей подв. лодокъ. Только къ 9-му мая вся огромная работа была окончена. Совершенно непостижимо, что совѣтскія морскія и воздушныя силы не дѣлали никакихъ попытокъ помѣшать постановкѣ, и, повидимому, она оставалась совершенно незамѣченной совѣтами, такъ какъ за всѣ 33 дня работъ по постановкѣ надъ мѣстомъ этихъ работъ ни разу не появлялись совѣтскіе аэропланы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже небольшая атака совѣтской авіации или торпедныхъ катеровъ могла привести къ настоящей катастрофѣ, такъ какъ весь огромный караванъ, нагруженный до отказа частями сѣти и минами, состоялъ изъ слабо или совсѣмъ не вооруженныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе, совѣты, черезъ свою отлично поставленную развѣдку, очень скоро узнали точное расположеніе загражденій.

Уже 30 апрѣля вновь установленная финнами на южной оконечности Гогланда наблюдательная станція (2 подвод. микрофона) донесла о появленіи первой прорывающейся на западъ совѣтской подв. лодки. 10 мая была замѣчена 2-я лодка.

18 мая первая совѣтская подв. лодка — „Щ-303" подошла къ сѣтьевому загражденію. Благополучно миновавъ минныя загражденія, она запуталось въ 1-ой, восточной, сѣти. Удачно маневрируя, командиру ея удалось выпутаться изъ сѣти, но не удалось прорваться черезъ нее. Ночью онъ всплылъ около самой сѣти, рѣшивъ утромъ снова попытаться. Это, очевидно, надоѣло трюмному старшинѣ Лабытину. Неожиданно для всѣхъ онъ вдругъ выбѣжалъ на верхнюю палубу, прыгнулъ за бортъ и изчезъ въ темнотѣ дождливой и бурной ночи. Родился онъ, должно быть, подъ счастливой звѣздой, такъ какъ черезъ четверть часа, несмотря на темноту и значительное волненіе, былъ подобранъ герман-

скимъ истребителемъ подв. лодокъ. По его словамъ за нимъ хотѣли послѣдовать еще нѣсколько человѣкъ команды, но были остановлены ставшимъ у выходного трапа съ револьверомъ въ рукѣ командиромъ. „Щ-303", тѣмъ временемъ, продолжала свои упорныя, но безуспѣшныя попытки прорваться черезъ сѣти. Черезъ 3 дня, вечеромъ 21 мая, „Щ-303", все еще находясь къ востоку отъ 1-ой сѣти, была настигнута двумя германскими истребителями подв. лодокъ и вступила съ ними въ артиллерійскую перестрѣлку. Повредивъ одинъ изъ истребителей и сама получивъ нѣкоторыя поврежденія, „Щ"-303 снова ушла подъ воду для новыхъ попытокъ прорваться черезъ сѣть. Днемъ 22 мая лодка была обнаружена 6-ю финскими сторожевыми судами и заградителемъ „Riilahti",которые забросали ее гидростатическими бомбами и затѣмъ увидѣли подымающіяся изъ воды куски дерева и на водѣ большія пятна масла. Лодка, хотя уже поврежденная, все же упорно продолжала медленно продвигаться на западъ. Черезъ часъ, финскія суда, слѣдившія за движеніями подв. лодки съ помощью микрофоновъ, снова забросали ее гидростатическими бомбами. 23 мая въ 1 часъ ночи заградитель „Riilahti" сообщилъ, что лодка больше не движется. Но уже черезъ 20 минутъ „Щ-303" съ прежнимъ упорствомъ возобновила свое движеніе на западъ. Утромъ 23 мая къ охотившейся за „Щ-303" группѣ присоединились еще финск й заградитель „Ruotisinsalmi" и 1 аэропланъ, который, въ свою очередь, забросалъ лодку бомбами. Около 2 часовъ дня, когда положеніе лодки подъ водой было точно установлено, она снова была забросана гидростатическими бомбами. Тѣмъ не менѣе, тяжело поврежденная лодка продолжала свое продвиженіе на западъ, такъ какъ въ 9:20 вечера микрофоны финскихъ судовъ ясно слышали работу ея винтовъ и шумъ ея электромоторовъ. Только днемъ 24 мая, послѣ повторныхъ атакъ финскихъ судовъ гидростатическими бомбами, движеніе подв. лодки прекратилось и огромное пятно масла на поверхности показало, что шестидневныя упорныя попытки геройскаго ея командира прорваться на западъ окончились гибелью „Щ-303" и ея экипажа. Несмотря на эту неудачу, совѣтскія подв. лодки въ теченіе лѣта продолжали свои попытки прорваться черезъ сѣтьевыя загражденія въ Балтійское море, причемъ погибли еще 2 лодки и нѣсколько лодокъ получили поврежденія. За всю кампа-

нію 1943 года ни одной совѣтской подв. лодкѣ такъ и не удалось прорваться въ Балтійское море.

Болѣе успѣшной оказалась дѣятельность совѣтской морской авіаціи. Усиленная въ своемъ составѣ значительнымъ количествомъ новыхъ машинъ совѣтскаго, американскаго и англійскаго происхожденія, укомплектованная хорошо обученнымъ личнымъ составомъ и получившая въ свое распоряженіе два новыхъ аэродрома на островахъ Лавансаари и Сескаръ, весьма удобно и близко расположенныхъ къ непріятельскимъ берегамъ и позиціямъ непріятельскихъ сторожевыхъ судовъ, морская авіація совѣтовъ въ кампанію 1943 года стала проявлять большую активность. Атаки совѣтской авіаціи направлялись, преимущественно, противъ финскихъ и германскихъ сторожевыхъ судовъ, истребителей подв. лодокъ и тральщиковъ, охранявшихъ противолодочныя загражденія. Атаки производились небольшими группами въ 2-10 машинъ, непріятельскія суда забрасывались бомбами, торпедами и обстрѣливались аэропланными пушками и пулеметами. При атакахъ совѣтские летчики обыкновенно спускались весьма низко, что приводило къ значительнымъ потерямъ и съ ихъ стороны. 7 финскихъ судовъ получили легкія и канонерская лодка „Turunmaa" тяжелыя поврежденія, а 16 сентября сторожевое судно „Uisko" было потоплено торпедой совѣтскаго аэроплана американской конструкціи. Финны потеряли 28 человѣкъ убитыми и, со своей стороны, сбили 6 совѣтскихъ машинъ.

Еще чаще и упорнѣе были атаки совѣтской морской авіаціи на германскія суда. Одна только 3-я флотилія германскихъ тральщиковъ за сентябрь и октябрь подверглась 32-мъ атакамъ, причемъ 3 тральщика получили тяжелыя и 2 — легкія поврежденія и вспомогательныя канонерскія лодки „Sat 28 Ost" и „Sat West" (вооруженные 6" орудіями коммерческие пароходы) были потоплены торпедами. Нѣмцы потеряли 139 человѣкъ убитыми и 199 ранеными и сбили 9 совѣтскихъ машинъ. Совѣтская морская авіація также сдѣлала нѣсколько налетовъ на непріятельскіе порта Ревель, Гельсингфорсъ и Котку, не причинившихъ большого вреда, и только въ Коткѣ совѣтскими аэропланами были потоплены 2 финскихъ тральщика и 3 вспомогательныхъ судна. Во второй половинѣ лѣта и осенью 1943 года совѣтская морская авіація направляла часть своихъ силъ противъ герман-

скихъ морскихъ сообщеній въ Балтійскомъ морѣ и потопила, преимущественно въ районѣ Ирбенскаго пролива, 15 германскихъ торговыхъ судовъ, 1 — бомбами и 14 — торпедами.

Весьма энергично дѣйствовали также совѣтскіе торпедные катера, сторожевые суда и тральщика. Такъ какъ совѣтскіе тральщики часто пытались вытраливать охраняемыя непріятельскими судами загражденія, то, естественно, возникъ рядъ боевыхъ столкновеній, продолжавшихся во всю кампанію 1943 года. Рамки настоящей статьи не позволяютъ подробно описывать всѣ эти столкновенія, поэтому я ограничусь описаніемъ только наиболѣе значительныхъ изъ нихъ.

28 іюля 20 совѣтскихъ тральщиковъ начали работать по протраливанію прохода черезъ загражденія у Гогланда. Финскія и германскія сторожевыя суда вступили съ ними въ бой, въ который затѣмъ вмѣшались 2 совѣтскія вспомогательныя канонерскія лодки и совѣтская авіація. Бой продолжался 4 сутокъ, обѣ стороны понесли нѣкоторыя потери, и совѣты были принуждены прекратить траленіе. Сообщеніе нѣмцевъ о потопленіи 6 совѣтскихъ тральщиковъ явно преувеличены и не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Въ августѣ и сентябрѣ совѣтскіе тральщики типа „Фугасъ" нѣсколько разъ обстрѣливали непріятельскія позиціи на островѣ Большой Тютерсъ. Одинъ изъ этихъ тральщиковъ 4 сентября былъ потопленъ огнемъ германскихъ батарей. 22 августа финская канонерская лодка „Hameenmaa" была атакована 4-мя совѣтскими торпедными катерами у Луппи (входъ въ Котку). Удачнымъ маневрированіемъ канонерка уклонилась отъ выпущенныхъ торпедъ и огнемъ своей артиллеріи потопила одинъ изъ атакующихъ катеровъ. 23 августа 3 совѣтскихъ торпедныхъ катера атаковали у Тійскера финскій минный заградитель „Riilahti" и потопили его 2-мя торпедами.

30 октября, днемъ, 11 совѣтскихъ торпедныхъ катеровъ атаковали германскую 3-ю флотилію тральщиковъ къ SO отъ Гогланда. Атака эта была отбита артиллерійскимъ огнемъ тральщиковъ, причемъ были потоплены 3 совѣтскихъ торпедныхъ катера.

Большіе корабли и эск. миноносцы совѣтскаго флота, попрежнему, никакого участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ не

принимали; вся ихъ дѣятельность состояла въ нѣсколькихъ обстрѣлахъ позицій германской осадной арміи у Синявина.

Германская авіація была уже слишкомъ слаба для какихъ-либо серьезныхъ налетовъ на Ленинградъ и Кронштадтъ и производила лишь рѣдкіе развѣдочные полеты надъ этими городами.

Уже зимой 1942-43 гг. совѣтамъ удалось расширить свое „окно на востокъ" къ востоку отъ Ленинграда и этимъ улучшить сообщеніе осажденнаго города съ тыломъ. Зимой же 1943-44 гг., когда ледъ залива достаточно окрѣпъ, они перевели изъ Кронштадта по льду въ Ораніенбаумскій мѣшокъ 8 пѣхотныхъ дивизій и ударную дивизію матросовъ и произвели рядъ перегруппировокъ на Ленинградскомъ фронтѣ. Нѣмцы этимъ перегруппировкамъ ничѣмъ помѣшать не могли. Иниціатива и здѣсь всецѣло перешла въ руки совѣтовъ.

Кампанія 1943 года на Балтійскомъ морѣ была наиболѣе „спокойной" за все время войны. Хотя иниціатива боевыхъ дѣйствій и перешла въ руки совѣтовъ, но германская оборона была еще достаточна сильна, и на фронтѣ устанавливалось нѣкоторое равновѣсіе. Но это было обманчивое затишье, затишье передъ бурей, которая и разразилась со стихійной силой въ первые же дни 1944 года.

Окончаніе слѣдуетъ.

УЧАСТІЕ РУССКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ЭМИГРАЦІИ ВЪ УЧЕБНОЙ ПОДГОТОВКѢ ОФИЦЕРСКАГО СОСТАВА ЮГОСЛАВЯНСКАГО ФЛОТА

Вскорѣ по своемъ образованіи, послѣ 1-ой міровой войны, Югославія приступила къ учебной подготовкѣ офицерскаго кадра для своего молодого флота.

Весной 1923 года было открыто въ Дубровникѣ Военно-Морское Училище, съ научнымъ рангомъ высшаго учебнаго заведенія, для преподаванія въ коемъ были, — согласно желанія Регента, а впослѣдствіи короля Александра, — приглашены русскіе морскіе офицеры изъ эмиграціи.

Въ первую очередь былъ приглашенъ бывшій профессоръ Императорской Николаевской Морской Академіи контръ-адмиралъ А. Д. Бубновъ, который принялъ на себя преподаваніе въ Училищѣ Исторіи военно-морского искусства, Стратегіи, Тактики, Фортификаціи и Международнаго права. Одновременно былъ приглашенъ корабельный инженеръ генералъ-маіоръ Н. И. Егоровъ для предподаванія Теоріи корабля и Корабельной архитектуры; впослѣдствіи, по его уходѣ в отставку, на его мѣсто былъ назначенъ корабельный инженеръ полковникъ М. А. Зозулинъ. Нѣсколько позднѣе былъ привлеченъ для завѣдыванія Навигаціоннымъ кабинетомъ старш. лейт. П. Н. Бунинъ, который впослѣдствіи принялъ на себя преподаваніе Мореходной астрономіи.

Изъ изложеннаго видно, что преподаваніе всѣхъ главныхъ предметовъ въ Югославянскомъ Военно-Морскомъ училищѣ было въ рукахъ русскихъ морскихъ офицеровъ, причемъ такое положеніе вещей продолжалось за все время

существованія, въ теченіи свыше 20 лѣтъ, Югославянскаго Королевства.

Въ 1930 году при непосредственномъ участіи А. Д. Бубнова, была организована Высшая военно-морская школа, по образцу Военно-Морского отдѣла русской Николаевской Морской академіи; обученіе въ этой школѣ продолжалось два года и въ ней подготовлялся командный составъ Югославянскаго флота. Въ Высшей Школѣ А. Д. Бубновъ занялъ кафедру Исторіи военно-морского искусства и стратегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Д. Бубновъ, въ теченіи всего существованія Школы, руководилъ, — введенной имъ, — военно-морской игрой, а такъ же проктическими занятіями слушателей по рѣшенію стратегическихъ и тактическихъ задачъ въ связи съ обороной побережья Адріатическаго моря.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что Верховное командованіе Англійскаго флота, въ лицѣ 1-го лорда Адмиралтейства сэра Вильяма Фишера, обратило вниманіе, на нѣкоторыя новыя достиженія югославянской военно-морской науки — въ частности въ области теоріи господства на морѣ и стратегіи такъ называемыхъ „оперативныхъ отрядовъ", — нашедшихъ себѣ подтвержденіе во время 2-ой міровой войны; эти достиженія, формулированные въ трудѣ А. Д. Бубнова „Страгія; веденіе войны на морѣ", послужили предметомъ изученія соотвѣтствующихъ органовъ англійскаго флота.

Кромѣ непосредственнаго участія въ обученіи офицерскаго состава Югославянскаго флота, нѣсколько русскихъ морскихъ офицеровъ, а именно: кап. 2 р. Макаровъ и Карповъ, лейт. Гриценко и Гончаревскій, кор. инж. Лебеданскій, Корпуса морск. арт. ген.-майоръ Рачинскій и мичманъ Черняевъ — работая въ составѣ соотвѣтствующихъ учрежденій Морского Вѣдомства, — значительно содѣйствовали развитію и усовершенствованію артиллерійскаго и миннаго дѣла на флотѣ, ремонта судовъ и стрѣльбѣ крѣпостной артиллеріи.

Въ періодъ времени между 1-ой и 2-ой міровой войной въ Югославіи былъ изданъ на сербско-хорватскомъ языкѣ рядъ капитальныхъ трудовъ русскихъ военно-морскихъ авторовъ а именно:

1. А. Бубновъ: „Исторія военно-морского искусства", 3 тома
2. Г. Рачинскій: „Оборона береговъ".
3. А. Карповъ: „Десантныя операціи".

Этимъ было исключительно русскими военно-морскими писателями положено прочное основанiе военно-морской литературы на сербско-хорватскомъ языкѣ, ибо за этотъ перiодъ времени не появился ни одинъ хоть сколько нибудь значительный трудъ изъ подъ пера представителей югославянскаго флота.

Сколь значительна и плодотворна была роль русской морской эмиграцiи въ дѣлѣ подготовки и обученiя офицерск. состава югославянскаго флота можно судить по тому, что дѣятел:ность и научные труды контръ-адмирала А. Д. Бубнова отмѣчены въ издаваемой нынѣ Югославянской морской энциклопедiи, каковой чести никто изъ представителей югославянской военно-морской силы не удостоился.

И. В. Заринъ

15 ЛѢТЪ ВЪ ЛАТВІЙСКОМЪ ФЛОТѢ

(Продолженіе)

Парадъ въ первый день юбилея долженъ былъ принимать Президентъ Латвійской Республики.

Въ ожиданіи морскихъ гостей на рейдѣ были размѣщены буйки съ изображеніемъ флага соотвѣтствующей страны, что значительно облегчало постановку на якорь каждаго корабля. Къ параду всѣ корабли должны были вытянуться въ двѣ линіи съ помощью верпа съ кормы.

На берегу, въ городѣ, къ устройству обѣда на 100 кувертовъ, готовилась „Петербургская Гостинница" — лучшая въ городѣ. Въ военномъ порту, въ Морскомъ Собраніи шла подготовка къ „морскому" завтраку на 60 человѣкъ, а Либавскій Кургаузъ, хорошо извѣстный русскимъ морякамъ еще до-военныхъ временъ, приводилъ въ порядокъ свои обширныя помѣщенія для послѣобѣденнаго чая и для заключительнаго бала въ честь гостей.

Незадолго до праздника выяснилось, что на иностранныхъ судахъ прибудутъ 4 адмирала и 1 коммодоръ (шведъ). Нужно было выбрать 7 офицеровъ связи для 7-ми націй. Это удалось. Я былъ прикомандированъ къ французскому адмиралу, который долженъ былъ прибыть съ двумя новѣйшими дестройерами „Bison" и „Lion". Англійскій адмиралъ шелъ на „Norfolk" съ однотипнымъ „Suffolk"; Германія посылала только-что построенный, такъ называемый „карманный" броненосецъ „Kenigsberg" подъ флагомъ контръ-адмирала Альбрехтъ; Швеція извѣстила о посылкѣ двухъ броненосцевъ, Финляндія посылала новенькій броненосецъ береговой обороны (одинъ изъ двухъ недавно построенныхъ), а Эстонія обѣщала прислать одинъ изъ большихъ дестрой-

еровъ „Lennok" (бывш. „Миклуха-Маклай") подъ флагомъ контръ-адмирала барона Зальца. Польша извѣстила о возможномъ прибытіи новаго дестройера „Громъ" и трехъ старыхъ миноносцевъ (бывш. германскихъ). Фамилія командующаго польскимъ флотомъ не была еще извѣстна.

Въ первый день торжества, какъ и въ 3 послѣдующихъ дня, погода была прекрасная. Офицеры связи были сгруппированы на 2-хъ моторныхъ катерахъ и лоцманскомъ буксирѣ. Около 7 час. утра офицеры связи вышли въ море. Прибытіе гостей на рейдъ было назначено къ 7.30 утра. Пройдя милю на W при совершенномъ штилѣ, на горизонтѣ показались изящные силуэты „Bison" и „Lion". За ними въ утреннемъ туманѣ вырисовывались контуры англійскихъ судовъ; ближе слѣва показался дымокъ „Кенигсберга", а справа вдали дымились старики-шведы; почти рядомъ съ ними торопились финскій броненосецъ и эстонскій дестройеръ „Lennuk". Красивая, незабываемая картина!

Поляки извѣстили по радіо, что они, возможно, запоздаютъ на часъ.

Я подошелъ къ „Lion", который застопорилъ мошины, и поднялся въ сопровожденіи старшаго офицера на мостикъ къ адмиралу. Поздравивъ адмирала (графа де.-К.) съ прибытіемъ, я объяснилъ ему, какъ найти на рейдѣ мѣста для обоихъ судовъ и вручилъ ему отпечатанную на французскомъ языкѣ программу торжествъ. На нѣмецкомъ языкѣ были изготовлены программы для нѣмцевъ, шведовъ и финновъ; поляки получили программы на французскомъ, а англичане и эстонцы — на англійскомъ языкѣ. Постановка судовъ на якорь прошла гладко. Къ 8 час. утра всѣ корабли, кромѣ польскихъ, были на своихъ мѣстахъ, отмѣченныхъ буйками и по сигналу съ латвійскаго адмиральскаго корабля началась красивая церемонія подъема флага, сопровождаемая гимномъ Латвіи, а потомъ національными гимнами другихъ державъ. Все это покрыла внушительная канонада салюта націи. На южномъ либавскомъ городскомъ молу стояли толпы горожанъ, любовавшихся церемоніей.

Вскорѣ послѣ подъема флага, на „Lion" былъ спущенъ адмиральскій моторный катеръ и французскій адмиралъ пожелалъ сразу же отправиться съ визитомъ къ латвійскому адмиралу на „Virsaitis". Пробывъ у графа Кейзерлинга минутъ

15, французъ сѣлъ опять на катеръ со мной, буркнувъ старшинѣ катера: — „къ англичанамъ". — Старшина не разобралъ приказанія адмирала и направилъ катеръ обратно на „Lion". Адмиралъ выругался, крикнувъ ему „м.....", а старшина, спохватившись, красивымъ полукругомъ понесся къ правому трапу „Norfolk'a".Англичане, не ожидавшіе этого маневра, захлопотали, забѣгали но довольно быстро вызвали почетный караулъ въ красныхъ мундирахъ морской пѣхоты и въ бѣлыхъ тропическихъ шлемахъ, съ оркестромъ; у трапа спѣшно выставлялись фалрепные съ дудками. подошелъ и командиръ къ вахтенному начальнику; адмиралъ ждалъ позади нихъ въ глубинѣ. Пробывъ недолго у англійскаго адмирала мы отправились на „Lion", чтобы сразу послѣ этого начать визиты на берегу: къ начальнику гарнизона, къ городскому головѣ и къ французскому консулу. Резиденція начальника гарнизона была въ томъ же военномъ порту. Самъ генералъ отсутствовалъ, его замѣнялъ командиръ одного изъ полковъ Курземской дивизіи — полковникъ С., человѣкъ со странностями и вдобавокъ контуженный въ голову во время Великой войны. На видъ ему было лѣтъ 35.

При видѣ французскаго адмирала въ парадной формѣ полковникъ изобразилъ на лицѣ радость, развелъ руками и воскликнулъ: „А-а, женераль!" Французъ и бровью не повелъ. Мы вошли въ кабинетъ, усѣлись, полковникъ придвинулъ адмиралу папиросы „Рига" и, поднявъ брови, произнесъ опять: „Женераль!". Я приготовился, по обыкновенію, переводить вопросы и отвѣты, но полковникъ замолкъ, устремивъ глаза въ потолокъ. Дѣлать было нечего. Я предложилъ адмиралу тронуться дальше. Полковникъ обрадовался, вскочилъ и, проводивъ насъ до дверей, произнесъ еще разъ „А-а, женераль!"

Въ городской управѣ, у городского головы, дѣло пошло гладко. „Мсье ле мэръ" очаровалъ француза своимъ внимательнымъ и дѣльнымъ разговоромъ, я переводилъ обоимъ и мы ушли отъ городского головы вполнѣ удовлетворенные. У французскаго консула пробыли недолго. Консулъ пригласилъ адмирала и меня на „Soiree intime" въ Петербургской гостинницѣ вечеромъ того же дня. Послѣ этого я повезъ утомленнаго адмирала на пристань. Проводивъ француза, я вернулся на адмиральскій корабль „Virsaitis". Пріемъ иностранныхъ адмираловъ и командировъ на немъ только что

кончился. Я еле успѣлъ переодѣться, какъ гг. офицеровъ попросили наверхъ. Ожидали прибытія командующаго запоздавшей польской эскадры. Катеръ съ красно-бѣлымъ флагомъ подошелъ къ трапу и на палубу поднялся польскій командиръ въ формѣ капитана 2-го ранга. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ. Нашъ адмиралъ, поздоровавшись съ нимъ по французски, повелъ его вдоль фронта офицеровъ корабля и своего штаба, называя чинъ и фамилію каждаго. Дойдя до меня капитанъ 2-го ранга Сольскій (это оказался онъ),* развелъ руками и воскликнулъ по русски: „Батюшки, Заринъ! Вотъ гдѣ Господь привелъ встрѣтиться!". Адмиралъ нашъ просіялъ и пропустилъ Сольскаго себѣ въ каюту, находившуюся тутъ же на палубѣ. При прощаніи Сольскій успѣлъ шепнуть мнѣ: „Еще поговоримъ, какъ слѣдуетъ, старина!".

Взаимные визиты между адмиралами и командирами продолжались до 4-хъ часовъ дня. На слѣдующій день долженъ былъ состояться смотръ.

Мы, офицеры, поднялись рано и съ интересомъ разглядывали въ бинокль утреннюю уборку и подготовку къ смотру на иностранныхъ судахъ. Задолго до 8 час. утра всѣ корабли были готовы: вездѣ вдоль палубы лежали флаги разцвѣчиванія, вездѣ копошились сигнальщики у фаловъ и флагштоковъ. За четверть часа до 8 час. къ борту „Virsaitis'a" тихо подошелъ нашъ штабный моторный катеръ и на палубу поднялся Президентъ государства со своимъ секретаремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Ульманисъ. На всѣхъ судахъ за 5 минутъ до подъема флага наступила традиціонная тишина. Наши латвійскіе гости стояли на мостикѣ съ адмираломъ Кейзерлингомъ, который давалъ объясненія.

Послѣ подъема флага, когда отзвучали гимны на судахъ (вездѣ были оркестры) „Virsaitis", выбравъ якорь, медленно развернулся и подъ штандартомъ Президента и контръ-адмиральскимъ флагомъ командующаго флотомъ пошелъ по фронту судовъ, на которыхъ вдоль бортовъ стояла команда въ бѣлой лѣтней формѣ.

---

*) Гв. Эк. лейт. Сольскій служилъ на пос. суднѣ „Рогдай" старшимъ офицеромъ въ бытность корабля въ 1917 г. въ Канадѣ — въ Монтреалѣ и въ Сидней, Н. С. одновременно съ авторомъ.

Когда „Virsaitis" проходилъ мимо англійскихъ судовъ, командиры ихъ сразу послѣ „захожденія" (сигнала привѣтствія) подавали съ мостика возгласъ „хипъ-хипъ", а команда дружно подхватывала: „уррэ, уррэ, уррэ!, размахивая въ тактъ фуражками. На нѣмецкомъ кораблѣ командиръ подавалъ возгласъ: „хохъ!", а команда отвѣчала: „хохъ, хохъ, хохъ!", также размахивая фуражками. На другихъ корабляхъ команда привѣтствовала Президента тройнымъ, протяжнымъ „ура!" Президентъ, стоявшій на правомъ крылѣ мостика съ непокрытой головой, привѣтствовалъ моряковъ своимъ цилиндромъ и видимо былъ тронутъ красивой картиной морского смотра.

Когда „Virsaitis", послѣ обхода, сталъ опять на свое мѣсто, на немъ былъ поднятъ сигналъ: „Президентъ республики проситъ гг. офицеровъ къ себѣ". Минутъ черезъ 10 къ „Virsaitis'у'" подходили уже 7 моторныхъ катеровъ съ приглашенными. Послѣ представленія гостей Президенту, послѣдній произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ прочувственную рѣчь, поблагодаривъ моряковъ за посѣщеніе и блестящій смотръ. Президентъ, въ прошломъ талантливый адвокатъ, говорилъ, а его рѣчь переводилъ на французскій языкъ секретарь президента г-нъ Зандерсъ, а на англійскій — министръ иностранныхъ дѣлъ Ульманисъ, окончившій университетъ въ С. Ш. А. Во время рѣчи на столахъ были разставлены бокалы съ шампанскимъ, которые разносили мои унт.-офицеры-машинисты, электрики и радіотелеграфисты въ бѣлыхъ перчаткахъ. Старшій изъ адмираловъ — англійскій адмиралъ поднялъ бокалъ и въ краткомъ спичѣ привѣтствовалъ Президента, предложивъ всѣмъ присутствующимъ осушить бокалъ за процвѣтаніе Латвіи и за здоравье Президента.

Въ 5 час. послѣ обѣда, въ помѣщеніяхъ Кургауза состоялся „The dansant" для иностранныхъ и мѣстныхъ гостей. Гостей, въ количествѣ около 100 чел. встрѣчалъ сіяющій и довольный графъ Кейзерлингъ, привѣтствовавшій гостей на 5 языкахъ. На этомъ пріемѣ встрѣтились два бывшихъ пріятеля, не видѣвшіе другъ друга около 30 лѣтъ: шведскій коммодоръ и завѣдующій базой латвійскаго подводнаго дивизіона, кап. 2 р. баронъ Эрикъ Фитингофъ. Послѣдній узналъ шведа по его фамиліи, росту и чертамъ лица. Шведъ не могъ вспомнить Фитингофа и попросилъ послѣдняго

напомнить ему гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ они встрѣчались въ прошломъ. — „Вы были въ гостяхъ у насъ на „Храбромъ", русскомъ стацiонерѣ въ Пиреѣ. Вы были молоды, я тоже. Вамъ очень понравилось у насъ на „Храбромъ" и вы остались у насъ до разсвѣта. Когда за вами пришелъ шведскiй катеръ, вы пошли по трапу внизъ, но не катеръ, а прямо въ воду. Когда васъ выташили, что произошло очень быстро, вы крикнули намъ снизу: — „Теперь я освѣжился и опять бодръ и веселъ!". Шведъ обрадовался и сразу вспомнилъ. — „Такъ это ты, Эрикъ, мой старый другъ!" Воспоминанiя о прекрасныхъ дняхъ далекой молодости продолжались еще долго.

На слѣдующiй день состоялся сухопутный парадъ въ военномъ порту при участiи командъ со всѣхъ судовъ латвiйскаго флота и нарядовъ съ иностранныхъ судовъ по 15-20 чел. съ корабля. Всѣ командиры и адмиралы были на лицо. Всѣ части были построены квадратомъ на большомъ плацу передъ ангарами морской авiацiи. На середину вышли адмиралы, командиры и депутацiи отъ латвiйскихъ учрежденiй, пожелавшихъ поздравить юбиляровъ. Адмиралъ Кейзерлингъ сказалъ на латышскомъ языкѣ подобающую рѣчь, послѣ которой оркестръ сыгралъ гимнъ. За нимъ выступилъ англiйскiй адмиралъ, который, принявъ живописную позу, сказалъ нѣсколько поздравительныхъ фразъ. Послѣ этого старый представитель латышскаго общества (основаннаго еще при Александрѣ II), адвокатъ Р. поздравилъ моряковъ и преподнесъ флоту красивую модель адмиральскаго корабля изъ серебра. Парадъ закончился церемонiальнымъ маршемъ всѣхъ частей, которыя затѣмъ, во главѣ съ оркестромъ, направились въ ангары, гдѣ для всѣхъ былъ сервированъ завтракъ. За завтракомъ играло нѣсколько оркестровъ.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся торжественный обѣдъ въ Петербургской гостинницѣ. Обѣдъ давалъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ честь иностранныхъ гостей. Кромѣ адмираловъ и командировъ судовъ на обѣдъ прибыли и прочiе офицеры по 5-6 человѣкъ съ корабля. При входѣ въ залу иностранныхъ офицеровъ, ихъ подводилъ къ хозяину вечера — министру — соотвѣтствующiй офицеръ связи. Отъ обилiя формъ и разнообразiя языковъ Министръ

былъ, такъ сказать, сбитъ съ толку и въ своемъ привѣтствіи путалъ языки.

Залъ гостинницы представлялъ красивую картину собранія морскихъ офицеровъ въ перемежку съ фраками и единичными сухопутными мундирами. Въ глаза бросался парадный мундиръ помощника шведскаго военнаго атташе — кавалерійскаго ротмистра. Къ сожалѣнію этотъ представительный рыжій шведъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и послѣ рѣчи и тоста Министра съ послѣдующей за этимъ рѣчью англійскаго адмирала сталъ выказывать явные признаки переутомленія (онъ уже передъ тѣмъ „назавтракался" на шведскомъ броненосцѣ) и среди пріятнаго гула взаимныхъ разговоровъ выдѣлялся его крикливый голосъ. Глядя осовѣлыми глазами на своихъ визави — польскихъ офицеровъ, онъ сталъ отпускать ядовитыя замѣчанія на ихъ счетъ, къ счастью, на шведскомъ языкѣ. Спасая положеніе, хозяинъ гостинницы предложилъ шведу пройтись съ нимъ въ уютный садъ гостинницы. — „Начхать мнѣ на вашъ садъ!" — отвѣтилъ ему шведъ по-нѣмецки. Сосѣди по столу пріумолкли и стали поглядывать на сердитаго шведа. Къ счастью, это не ускользнуло отъ шведскаго коммодора; тотъ покинулъ свое мѣсто за адмиральскимъ столомъ и подошелъ къ ротмистру. Слегка поднявъ его за локоть, онъ настойчиво попросилъ выйти съ нимъ въ фойе. Ротмистръ, покачиваясь, вышелъ за нимъ и оба больше не возвращались.

На слѣдующій день утромъ были устроены „международныя гребныя состязанія", а въ 2 ч. дня состоялся морской обѣдъ въ Морскомъ Собраніи. На этотъ обѣдъ съѣхалось около 60-ти морскихъ офицеровъ съ адмиралами и командирами судовъ. Гости были разсажены вперемежку съ латвійскими офицерами, причемъ каждая депутація противъ своего флага въ миніатюрѣ на столѣ. На адмиральскомъ столѣ высилась серебряная модель „Virsaitis'a". Когда гости усѣлись, графъ Кейзерлингъ обратился къ нимъ съ остроумнымъ привѣтствіемъ на 4-хъ языкахъ, вызвавъ у гостей дружные аплодисменты и смѣхъ. Эти 4 дня торжествъ были зенитомъ латвійской карьеры Кейзерлинга, послѣ чего его звѣзда стала закатываться. Морской обѣдъ прошелъ необыкновенно оживленно и весело, какъ это бываетъ только въ дружной семьѣ моряковъ.

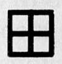
Въ этотъ, послѣдній день празднествъ предстоялъ вечеромъ заключительный балъ въ Кургаузѣ.

На слѣдующій день рано утромъ иностранные суда стали сниматься съ якоря. Всѣ 7 офицеровъ связи вздохнули свободно. Финны наградили своего офицера связи орденомъ Бѣлой Розы, нѣмецкій адмиралъ подарилъ серебряный портсигаръ, англійскій адмиралъ — свой портретъ въ серебряной рамѣ а французъ преподнесъ мнѣ открытку съ изображеніемъ „Lion" и своей подписью.

Послѣ юбилея эскадра отправилась на маневры въ эстонскія воды (эстонцы были нашими союзниками и планъ морской обороны былъ общій). По возвращеніи изъ Эстоніи среди моряковъ поползли слухи, что надъ Кейзерлингомъ собирается гроза. Надо сказать, что Кейзерлингъ съ самаго основанія эскадры чувствовалъ себя очень увѣренно, не предполагая ни на минуту, что эскадра можетъ обойтись безъ него. Онъ пренебрегалъ закономъ принятымъ государственнымъ Сеймомъ объ отмѣнѣ титуловъ и въ офиціальныхъ сношеніяхъ и бумагахъ подписывался графомъ, велъ широкій образъ жизни и не обращалъ вниманія на предостереженія нѣкоторыхъ друзей и знакомыхъ, хотя зналъ отлично, что его будущій замѣститель, капитанъ 2 ранга Спаде вполнѣ подготовленъ къ занятію поста Командующаго Эскадрой.

Громъ грянулъ. Камнемъ, о который споткнулся Кейзерлингъ, оказались напитки, которые морскіе офицеры по положенію имѣли право безпошлинно привозить изъ-за границы. Адмирала обвинили въ провозѣ контрабандныхъ напитковъ, что, конечно, никакого основанія подъ собой не имѣло. Какъ бы то ни было, Кейзерлингъ былъ уволенъ въ отставку съ пенсіей и мундиромъ, а кап. 2 р. Спаде со скорбнымъ выраженіемъ лица сталъ принимать отъ него дѣла и эскадру. Послѣ утвержденія въ должности онъ былъ вскорѣ произведенъ въ капитаны 1 ранга, а года черезъ 2 — въ адмиралы.

Окончаніе слѣдуетъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ каждымъ годомъ интересъ къ „Морскимъ Запискамъ" продолжаетъ увеличиваться, какъ со стороны библіотекъ и университетовъ въ С.Ш.А. и въ Европѣ, такъ и со стороны разсѣянныхъ по всему свѣту читателей-моряковъ и широкой публики, присылающихъ редакціи одобрительные отзывы и пожеланія дальнѣйшаго выхода журнала.

Однако, такъ какъ поступленія, главнымъ образомъ, состоятъ изъ годовыхъ подписокъ и пожертвованій, редакція принуждена придерживаться рамокъ самаго ограниченнаго бюджета, а такъ какъ въ настоящее время многіе подписчики и друзья „Морскихъ Записокъ" выходятъ на пенсію и урѣзываютъ свои расходы, редакція поставлена въ необходимость искать новыхъ источниковъ прихода.

Въ цѣляхъ привлеченія средствъ, болѣе широкаго распространенія журнала и ознакомленія русской эмиграціи, редакція разослала ряду лицъ номеръ „Морскихъ Записокъ" и обращеніе, знакомящее съ цѣлями изданія и содержаніемъ журнала.

До настоящаго времени редакція имѣла возможность разослать таковые только ограниченному числу адресатовъ, но намѣревается, съ выходомъ слѣдующихъ номеровъ, продолжать разсылку обращеній. Помимо того, дѣлается первая попытка привлеченія коммерческихъ объявленій на страницахъ журнала.

Въ отвѣтъ на обращеніе, слѣдующія лица отозвались присылкой годовой подписки и пожертвованіями:

Годовые подписки: $3.00 — Mr. W. Armfelt, V.Rev. Makary

Baranoff, A. Balaklitzky, S. Cerny, Igor Dolgoruky, Paul Ismailoff, Eugene Klochkoff V. Koodroff, A. Bezsmertny.

По $ 2.00 — Igor Dolgoruky, S. S. Jodko, Eugene Klochkoff V. Koodroff.

По $ 1.00 Lew M. Adamovich, W. Armfelt, Alexej Albostchi, Helmuts Brunavs, Nikolai Emmanuel, D. Gneditch, Peter P. Goobin, M. Goosev, K. D. Hramov, N. Kukushkin, Serge Minaeff, S. Popow, Alexander Sokoloff, Anonymous.

Редакція приноситъ искреннюю благодарность всѣмъ новымъ подписчикамъ и жертвователямъ, отозвавшимся на обращеніе и поддержавшимъ дальнѣйшее изданіе журнала.

Printed by All-Slavic Publishing House. Inc.
46 Great Jones Street. New York 12, N.Y.